

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

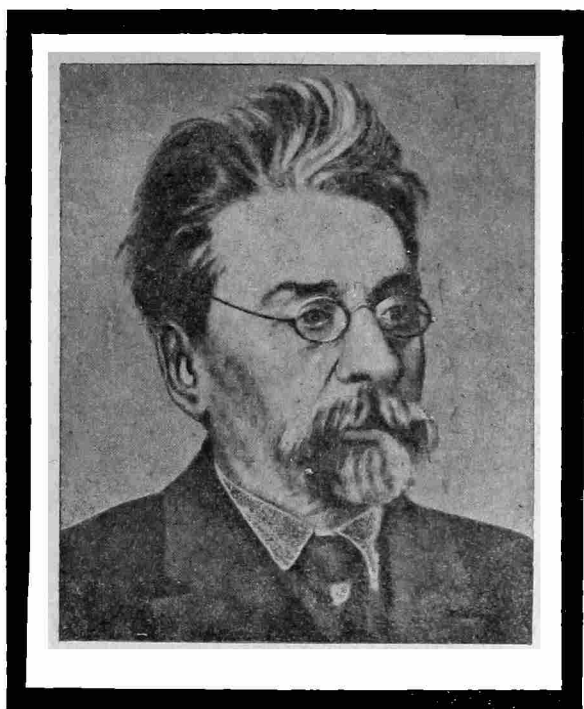
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

IV



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 ЛЕНИНГРАД

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. Артамонова
Ответственный редактор С. Н. Бибииков



Д. В. АЙНАЛОВ
1862—1939

12 декабря 1939 г. после непродолжительной болезни на 78-м году жизни скончался один из крупнейших историков искусства в нашей стране, член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор Дмитрий Властьевич Айналлов.

Имя Д. В. Айналлова широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Крупнейший специалист по истории византийского, древнерусского и западноевропейского искусства, автор огромного количества блестящих исследований в этих областях истории искусства, Д. В. Айналлов являлся одновременно и одним из крупнейших профессоров; с самых первых лет своей научной деятельности он отдавал огромную долю своей энергии педагогической работе в высшей школе.

Д. В. Айналлов родился в г. Мариуполе 8 февраля 1862 г. Окончив в 1888 г. Новороссийский университет, Д. В. уже в следующем году печатает свое первое крупное исследование, посвященное мозаикам и фрескам Киевской Софии. Многие из читавших это исследование, полное глубоких мыслей и интереснейших выводов, даже и не подозревают, что исследование это было написано Д. В. еще в годы его студенческой работы в Новороссийском университете. Это раннее исследование определило одну из основных линий всей научной деятельности Д. В. — его работы в области древнерусского искусства.

В 1891 г. Д. В. был назначен приват-доцентом Казанского университета по кафедре истории и теории искусства. С этого года и вплоть до самых последних лет жизни Д. В. не прекращал своей педагогической деятельности, отдав ей почти полвека напряженной работы. В 1903 г. Д. В. был избран ординарным профессором Петербургского университета, работу в котором с небольшими перерывами продолжал почти до

последних лет своей жизни. Курсы, которые читал Д. В. до организации специального отделения, возникшего лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, слушали все студенты Историко-филологического факультета. Среди слушателей Д. В. было много лиц, ставших потом крупнейшими специалистами в разнообразных отраслях гуманитарных наук. Особое внимание Д. В. уделял работе с теми, кто специализировался в области византийского или древнерусского искусства. На ряду с работой в университете Д. В. преподавал с 1904 г. на Высших женских курсах, в 1905—1906 гг. по приглашению В. М. Бехтерева в Психоневрологическом институте и с 1904 по 1925 г. в Институте истории искусств. В 1914 г. Д. В. был избран членом-корреспондентом Академии Наук, а с 1919 по 1929 г. состоял действительным членом Гос. Академии истории материальной культуры, руководя разрядом западноевропейского и византийского искусства.

Уже первое исследование, посвященное вопросам древнейшего периода русского искусства, т. е. периода, глубокое понимание которого невозможно без знания искусства Византии, определило научные интересы Д. В. не только как историка древнерусского искусства, но и как историка византийского искусства. Не будет ошибкой сказать, что в первые годы своей деятельности Д. В. и к вопросам древнерусского искусства подходил более как византинист. Не случайно именно древнейший период русского искусства привлекал Д. В. больше всего.

Вслед за исследованием мозаик и фресок Киевской Софии, появляются многочисленные мелкие работы Д. В., посвященные различным памятникам византийского и раннехристианского искусства.

В 1895 г. Д. В. защитил магистерскую диссертацию на тему „Мозаики IV и V вв.“, а через пять лет, в 1900 г., докторскую диссертацию „Эллинистические основы византийского искусства“. Обе эти диссертации, особенно вторая, определили Д. В. как одного из крупнейших историков византийского искусства не только в России, но и /в Западной Европе. Если более ранние работы Д. В. были высоко оценены византинистами всех стран, то выход в свет его труда „Эллинистические основы византийского искусства“ дает Д. В. имя европейского ученого, труды которого заставляли византинистов всех стран, по их собственному признанию, изучать русский язык. Нет ни одного общего обзора истории византийского искусства, где бы не были упомянуты имя Д. В. и его основные труды. Но широкое признание научных заслуг отнюдь не снижало энергии и темпов напряженного труда Д. В. Несмотря на большую непрерывавшуюся педагогическую работу, Д. В. из года в год продолжал печатать все новые и новые исследования, не только вводившие в науку новые памятники византийского искусства и живую их трактовку, но и свидетельствовавшие о расширении научного кругозора исследователя. Начиная с первого десятилетия нового века, Д. В., на ряду с продолжением византийских штудий, все чаще и чаще обращается к вопросам искусства древней Руси. В отличие от господствовавшей до тех пор церковно-археологической точки зрения на памятники искусства древней Руси, Д. В. трактует эти памятники как история искусства, рассматривая их на широкой сравнительно-исторической основе.

Большая эрудиция в вопросах истории древнерусской литературы позволяет Д. В. многие вопросы истории древнерусского искусства ставить и решать в связи с вопросами истории древнерусской литературы. Нельзя в этом отношении не отметить блестящих комментариев, которые Д. В. сделал к тексту „Слова о Полку Игореве“, выступая в ряде очерков, посвященных этому величайшему памятнику русской культуры, и как историк литературы, и как историк искусства, и как археолог.

Большой интерес представляет также исследование древнерусской летописи, в качестве источника для изучения древнейшего, языческого искусства древней Руси. Несколько раз издавались курсы по истории древнерусского искусства, читанные Д. В. в Петроградском университете, но эти издания обычно не охватывали всего исторического развития древнерусского искусства. Только в последние годы своей жизни Д. В. опубликовал (на немецком языке) двухтомную „Историю древнерусского искусства“, труд, в котором очень сжато и просто изложил свою концепцию истории искусства древней Руси.

Исключительное значение для изучения древнерусского и византийского искусства имеет исследование „Византийская живопись XIV в.“, опубликованное Д. В. в 1917 г.

На ряду с исследованиями в области византийского и древнерусского искусства Д. В. большое внимание уделял вопросам искусства Возрождения. Еще в 1908 г. он опубликовал „Этюды по истории искусства Возрождения“, посвященные истории мозаик церкви S. Maria Maggiore в Риме и живописи Джотто. В последние годы Д. В. много работал над художественным наследием Леонардо да-Винчи. Этюды „Vinciana“, опубликованные им в 1927 г., были только началом большого труда, работу над которым Д. В. вел до последних дней своей жизни.

Дожив до глубокой старости, Д. В., несмотря на болезнь, сохранял до последних дней не только свою огромную трудоспособность, но и живой интерес к тому новому, что принесла в науку об искусстве наша великая эпоха, значение которой он искренне понял и на служение которой готов был отдать свои огромные знания.

М. К. Каргер

I. ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ УЧЕНОГО СОВЕТА И СЕКТОРОВ ИНСТИТУТА

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ ЕВРОПЫ

(Содержание доклада, читанного на открытом заседании Ученого совета Института
15 IX 1939)

При работе над первым томом „Всемирной истории“ с большой остротой встал вопрос об исторической периодизации неолита. Как известно, такой периодизации донныне не существует. В этом отношении разработка истории неолитического периода значительно отстает от изученности палеолита. Палеолит уже давно получил свою периодизацию, до сих пор сохраняющую важное значение. Мортилье удалось выработать эту периодизацию только потому, что он стоял на позициях прогрессивного эволюционизма, в его время господствовавшего в науке. Но неолит тогда еще почти не был изучен. Можно сказать, что неолит „опоздал родиться“, ибо когда неолит стал лучше известен, западноевропейская археология уже полностью порвала с традициями прогрессивного эволюционизма и перешла всецело на позиции так наз. „учения о культурных кругах“ Неолит Европы (без Средиземноморья) был разбит на четыре культурных круга, независимых друг от друга и постоянных в сочетании составляющих их элементов: 1) северный, 2) западный, 3) дунайский („ленточной керамики“) и 4) восточноевропейский („гребенчатой керамики“). Все историческое развитие было сведено к различным скрещениям и передвижениям этих четырех культурных кругов. Такое построение несовместимо с требованиями подлинно-исторического исследования, поэтому нами и сделана попытка по-иному подойти к истории неолитической Европы (без Средиземноморья).

1. В эпоху неолита в новых ландшафтно-климатических условиях на территории Европы прослеживается дальнейшее закономерное развитие первобытного общества. Значительная серия культурных комплексов, так наз. „свидерских“ на востоке, „азильских“ на западе и „лингби“ на севере, выражает собой постепенный переход от позднего палеолита к „тарденуазской“ стадии. В это время на значительной территории Европы первобытная культура имела довольно однообразный характер. По берегам рек, озер и морей жили бродячие племена, занимавшиеся охотой, рыболовством и усложненным собирательством. Характер их постоянных передвижений связан был с посезонным распределением этих основных производств.

На основе этого хозяйства впервые начинается освоение северных частей Европы.

Тарденуазское время на территории Европы отвечает высшей ступени дикости. В пределах этой стадии постепенно вырабатываются предпосылки для перехода на следующий этап исторического развития.

2. Этот переход связан с неуклонным укреплением рыболовческого хозяйства. При этом меняется сезонное распределение труда и развивается, особенно на севере, подледное зимнее рыболовство, устанавли-

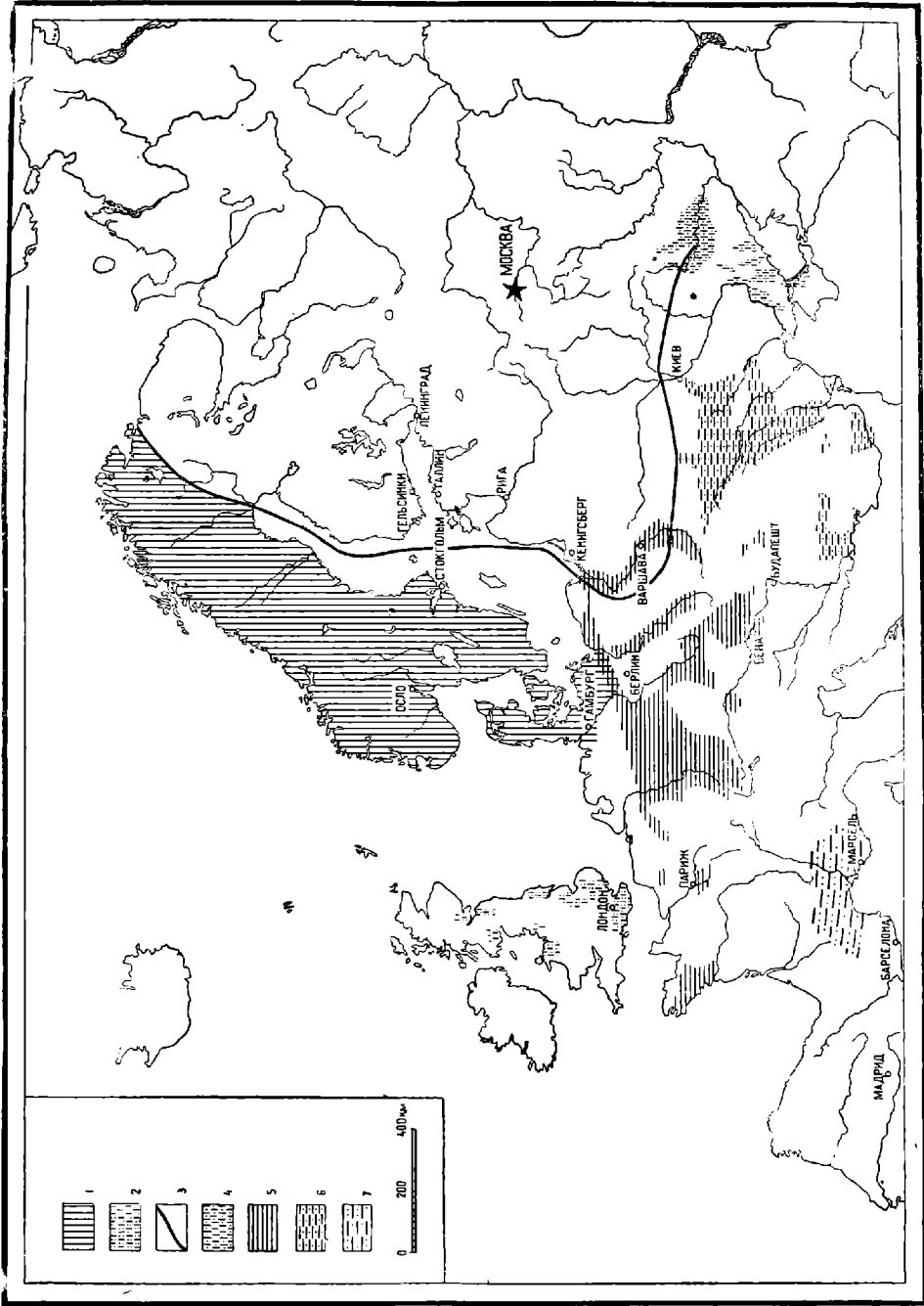


Рис. 1. Неолитическая Европа за 3000—2500 лет до н. э.

I. Охотничье-рыболовецкие племена: 1 — «культура стоянок»; 2 — племена Петерборгу; 3 — граница распространения «культуры ялочно-гребенчатой керамики»; 4 — неолитические племена степей.
 II. Земледельческие племена: 5 — «культура лептской керамики»; 6 — юго-восточный вариант «культуры лептской керамики» (Вилча I — Тордас — Бона — Триполье А); 7 — юго-западный вариант «культуры лептской керамики» («культура пещер»).

вается оседлость и появляются новые орудия производства и вместе с этим посуда из обожженной глины.

Ранненеолитический материал Европы дает возможность проследить шаг за шагом переход от дикости к варварству. Ранненеолитическое оседлое хозяйство с рыболовством, как ведущей отраслью производства, в дальнейшем развивается по двум различным путям. Эти два основных варианта перехода от раннего к развитому неолиту связаны с освоением различных частей европейского ландшафта.

Одни ранненеолитические племена еще теснее связываются с реками, озерами и морями, их поселения располагаются на нижних береговых террасах, на дюнах и даже спускаются в самую пойменную низину. Рыболовство в этих случаях продолжает быть ведущей отраслью производства.

Другие ранненеолитические племена, наоборот, порывают с прежними условиями обитания и поднимаются на плато, выбирая места наиболее плодородных почв. У этих племен уже в ранненеолитическое время развивается примитивное земледелие (огородничество). Противоположность двух основных путей возникновения варварской культуры в ранне-неолитическое время выступает, например, при сопоставлении так наз. „кьеккенмеддингов“ с известным поселением у Кампиньи (Северная Франция). В эпоху развитого неолита продолжает существовать и углубляться эта противоположность двух основных типов неолитических культур, причем охотничье-рыболовческие племена занимают преимущественно лесную или степную, северную и восточную, а земледельческие — южную и западную, лесостепную половину Европы.

На территории Британии и Северной Германии, б. Польского государства и Украины эти племена вступают в непосредственное соприкосновение друг с другом и частично сосуществуют на одной и той же территории.

Так осуществляется первое крупное разделение еще недавно однородного населения неолитической Европы. За 3000 лет до н. э. этот процесс заканчивается, и дальнейшая история будет развиваться по-разному в „охотничье-рыболовческой“ и в „земледельческой“ областях (рис. 1).

За. На громадной территории, покрытой мощными лесными массивами, Северной и Восточной Европы дальше развивается охотничье-рыболовческая культура. На территории Британии она представлена поселениями типа Петербору. Здесь, как и во многих других местах, эта культура существует и в более позднее время, вплоть до эпохи бронзы. В Дании и Скандинавии культура охотничье-рыболовческих племен известна в археологии под именем „культуры стоянок“. Она является непосредственным результатом дальнейшего развития культуры кьеккенмеддингов. Она безраздельно господствует здесь и в эпоху развитого неолита, в то время, когда племена Южной, Западной и Центральной Европы уже переходят к земледелию и к сравнительно развитому скотоводству. В наиболее северных частях Скандинавии она сохраняется вплоть до раннего средневековья. В эпоху развитого неолита близкая охотничье-рыболовческая культура складывается у племен, населяющих огромные пространства лесной полосы Европейской части нашего Союза. Она представлена здесь поселениями с так наз. „ямочно-гребенчатой“ керамикой. Присваивающее хозяйство сохраняется и у неолитического поселения Причерноморских степей. На территории Левобережной Украины создается несколько особый вариант охотничье-рыболовческого неолита, своеобразие которого связано прежде всего с тем, что, в противоположность всем вышеупомянутым культурам, он складывается в условиях не леса, а степи.

36. Даже на основе оседлого охотничье-рыболовческого хозяйства постепенно развивается скотоводство. Еще шире распространяется приручение животных у земледельческих племен, занимающих юго-западную половину Европы. И в том и в другом случае приручению подвергаются представители местной дикой европейской фауны. Сложнее стоит вопрос о возникновении и распространении земледелия в связи с центрами происхождения культурных растений. Во всяком случае ясно, что уже в эпоху раннего неолита на огромной территории Западной, Южной и Средней Европы примерно одновременно происходит переход от собирательства к земледелию. При этом осваиваются свободные от непроходимых лесных зарослей лессово-черноземные плато и складывается новая и своеобразная культура, в археологии известная под именем дунайской или „культуры ленточной керамики“. В настоящее время поселения этого типа изучены уже на значительной территории Западной и Средней Европы от побережья Атлантического океана до Днепра. Эта культура лежит в основе всего дальнейшего развития на всей обширной территории, включая современную Францию, Бельгию, Англию и Швейцарию, бассейны Верхнего и Среднего Рейна, Верхней и Средней Эльбы, Одера, Вислы, Днестра, Среднего Днепра и Дуная.

На наиболее восточной части этой территории (современные Югославия, Румыния и Правобережная Украина) из этого основного и довольно однородного субстрата выделяются племена со своеобразной и несколько более развитой культурой.

Здесь раньше, чем в других местах, появляются наземные прямоугольные постройки, первые предметы из меди и относительно совершенная керамика. Возможно, что это следует связывать с влиянием со стороны более культурного Восточного Средиземноморья.

На юго-западной части всей этой громадной территории, в южных департаментах современной Франции, на той же основе складывается несколько особая культура. Здесь, в частности, еще продолжается палеолитическая традиция жизни в пещерах.

На всей же остальной территории распространения этой культуры примитивно-земледельческие племена живут в больших родовых и много-семейных домах, частично углубленных в землю. Примитивное земледелие является ведущей отраслью производства и определяет как характер самих поселений, так и своеобразное сочетание орудий производства. Для социальных отношений этих племен характерен развитый матриархат.

4а. Дальнейшее развитие примитивно-земледельческих племен на обширной территории Западной и Средней Европы и Днепро-Дунайского бассейна обнаруживает ряд общих черт и следует некоторым общим закономерностям. В области хозяйства развивается относительно сложное сочетание мотыжного земледелия и скотоводства. Наиболее яркий пример такого хозяйства дает так наз. „культура свайных построек“ Швейцарии. Стратиграфические исследования Вуга и Фохта по-новому осветили хронологические соотношения различных неолитических поселений на территории Швейцарии и опровергли устарелые схемы Гейерли-Ишера.

Они показали, что поселения, ранее считавшиеся наиболее древними, на самом деле относятся к сравнительно уже позднему времени. Они установили, что на территории Восточной и Западной Швейцарии в основе всего дальнейшего развития лежат различные варианты так наз. „дунайской“ культуры.

На рассматриваемой стадии развития повсеместно меняются формы домостроительства. Многокамерные и многоочажные родовые дома, рассчитанные на несколько или много парных семей, сменяются прямо-

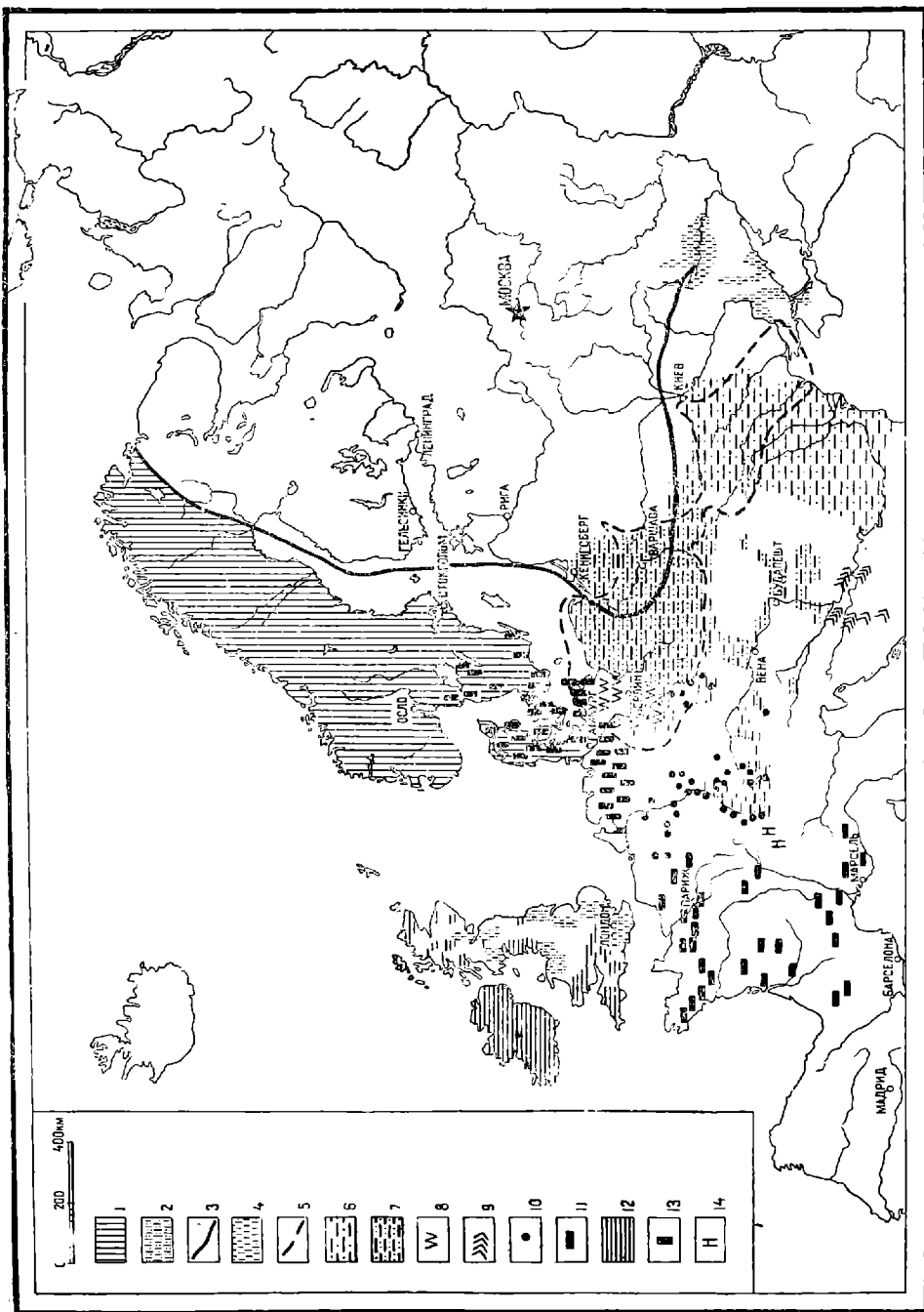


Рис. 2. Неолитическая Европа за 2500—2000—1800 лет до н. э.

1. Охотничье-рыболовецкие племена на позднем этапе развития; 2 — племена Петербурга; 3 — граница распространения «культуры мичо-гребенчатой керамики»; 4 — использование писмена степей; 5 — граница распространения «культуры шаровидных амфор»; 6 — эпо-постолный вариант «культуры легкой керамики» (Гульменгиде — Ерёма — Триполье В); 7 — племена Лепинга, Иордангола и Косангиде; 8 — Валленбург-бербургские племена; 9 — племена Бугиера и Винчи; 10 — племена Михальсборгена городов; 11 — племена городов Ун и Ланд-Ха и большие мегалитических сооружений; 12 — племена мегалитических сооружений; 13 — племена мегалитических сооружений Сьерра; 14 — племена западноевропейских саваннх постройк.

угольными постройками с новым принципом внутреннего деления помещения. Специально выделяется очажно-кухонное, „женское“ помещение и особая „мужская“ половина. Появляется дом типа мегарона. По-новому также располагаются жилища в пределах поселений. Поселения теперь или образуются несколькими отдельными „дворами“, или постройки располагаются рядами по сторонам нескольких „улиц“, или небольшие жилища группируются вокруг большого „мужского дома“. „Ирокезский“ тип жилища и поселения сменяется „меланезийским“. Эти важнейшие изменения прослеживаются у всех новых племенных групп, формирующихся в процессе дальнейшего развития примитивно-земледельческого населения с так. наз. „культурой ленточной керамики“.

Поселения позднего Триполья, Ерёжда и Гульменитце выражают эту стадию в области Днепра, Днестра и Нижнего Дуная.

Эта область распространения так наз. „культуры расписной керамики“ представляет наиболее восточное культурно-племенное образование, выделившееся на основе „дунайского“ населения. С запада к ней с одной стороны, в области Савы и Моравы, примыкает сравнительно небольшая группа племен, представленная поселениями Бутмиры и средних слоев Винчи. С другой стороны, в области Среднего и Верхнего Дуная, Верхнего Рейна и Восточной Швейцарии, Верхней и Средней Эльбы, Одера и Вислы выступает новое культурно-племенное образование, обладающее всеми признаками рассматриваемой стадии. Оно представлено поселениями иордансмюльско-носсвицтерского типа. С севера, в области Средней Эльбы, к нему примыкает небольшая группа племен, оставивших после себя могильники и поселения Вальтерниенбурга и Бернбурга. У всех этих племен развивается на ряду с земледелием молочное, продуктивное скотоводство и появляются жилища типа мегарона.

В области междуплеменных взаимоотношений для рассматриваемой стадии развития становятся характерными значительное усиление первобытных войн и распространение укрепленных поселений и убежищ — так наз. городищ.

В это время на всей громадной территории от Украины до Атлантического побережья появляются первые городища — укрепленные поселения с искусственными рвами и валами. Группы таких укрепленных поселений и убежищ в области Рейна известны под именем Михельсбергских, во Франции — Шассей, в Англии — Уиндмил-Хил. Они отвечают той же стадии развития, и культура, ими представленная, в конечном счете восходит к культуре примитивно-земледельческого населения, выделявшего так наз. „ленточную керамику“.

В нижних слоях городищ Шассей встречаются фрагменты сосудов, очень напоминающие „ленточную керамику“, выше распространяется глиняная посуда, так наз. „михельсбергского типа“. Еще недавно михельсбергскую керамику относили к раннему неолиту и на этом основании выделяли особый „западный круг“.

На рассматриваемой стадии развития в недрах матриархально-родовых обществ накапливаются предпосылки для перехода на следующий этап в развитии первобытного общества.

В области религиозных представлений в это время становится характерным распространение новых могильных памятников — больших мегалитических сооружений. Мегалитические сооружения воспроизводят формы жилищ, еще существующих или существовавших в прошлом. Первобытные племена Южной Франции еще в эпоху неолита продолжали жить в пещерах и в пещерах же хоронили умерших. Племена Сены, Марны и Уазы для погребения умерших изготавливали специальные „искусственные пещеры“. Если на данной стадии развития уже исчезают большие родовые жилища, то могильные мегалитические сооружения („крытые

галлерей“, „могилы с ходами“) Сены, Марны, Уазы, Бретани, Британских островов, Западной и Средней Германии и области Средней Вислы еще продолжают воспроизводить большие многосемейные дома.

На этой стадии на основе дальнейшего развития однородного примитивного земледельческого поселения складывались различные культурно-племенные образования, и этнографическая карта Европы в то время представляла довольно сложную картину.

На рис. 2 показано географическое распределение основных культурно-племенных образований, сформировавшихся на территории Западной и Центральной Европы и Дунайско-Днепровского бассейна за 2500—2000—1800 лет до н. э.

46. Дальнейшее развитие охотничье-рыболовческих племен происходит в это время в северо-восточной половине Европы. На территории Прибалтики, Финляндии и лесной части нашего Союза устанавливается новый этап в развитии так наз. „культуры ямочно-гребенчатой керамики“. Сохраняется охотничье-рыболовческое хозяйство и у неолитических племен, населяющих степи Левобережной Украины. В это же время рыболовческие племена Южной Скандинавии, Дании и Северо-западной Германии постепенно и, возможно, не без влияния с юга переходят к мотыжному земледелию, тогда как на севере Скандинавии еще долгое время сохраняются примитивные, раннеолитические формы хозяйства. Для понимания подлинной закономерности развития южнскандинавского неолита необходимо отказаться от многих положений типологической классификации Монтелиуса и в особенности от произвольного деления неолитического населения Южной Скандинавии на два „народа“ — земледельческий, „мегалитический“, и охотничье-рыболовческий, „субмегалитический“. В действительности те же самые охотничье-рыболовческие племена переходят к земледелию, более развитому скотоводству и к сооружению мегалитических могил. Чем дальше на север, тем позднее появляется земледелие и распространяются более поздние типы мегалитических сооружений (кисты). Как известно, Монтелиус и его последователи считали каменные могилы в виде так наз. „дольмен“ более ранними типами мегалитических сооружений, чем „могилы с ходами“, и „культуру дольмен“ более ранней, чем „культуру могил с ходами“. Крайне важно установить неправильность этого предположения.

Сопоставление различных стоянок на территории Дании и Южной Швеции отчетливо показывает, как в результате дальнейшего развития охотничье-рыболовческих племен, в свою очередь восходящих к „культуре кьеккенмеддингов“, выделяются, с одной стороны, „племена дольмен“, а с другой стороны, племена „могил с ходами“. В одних случаях керамика охотничье-рыболовческих поселений по мере ее постепенного усовершенствования приближается к керамике „могил с ходами“, а овальные и острообушные топоры кьеккенмеддингов дополняются толстообушными топорами. В других же, напротив, вырабатывается своеобразная керамика дольмен или появляются тонкообушные топоры. Своеобразная культура дольмен имеет очень ограниченное распространение, она представлена только в Восточной Ютландии и на Датских островах. Даже последователи Монтелиуса не решаются отнести к раннему времени дольмены Южной Швеции или Северной Германии, а тем более Западной Европы. Дольмены севера относятся к более поздней эпохе, чем это думал Монтелиус. Они хронологически совпадают с эпохой довольно широкого распространения меди и в основном одновременны „могилам с ходами“. Дольмены и „могилы с ходами“ принадлежат двум различным, но одновременным культурно-племенным образованиям, имеющим общее происхождение. В дальнейшем отличия между ними снова стираются, и на территории Дании и Южной Скандинавии устанавливается единая культура.

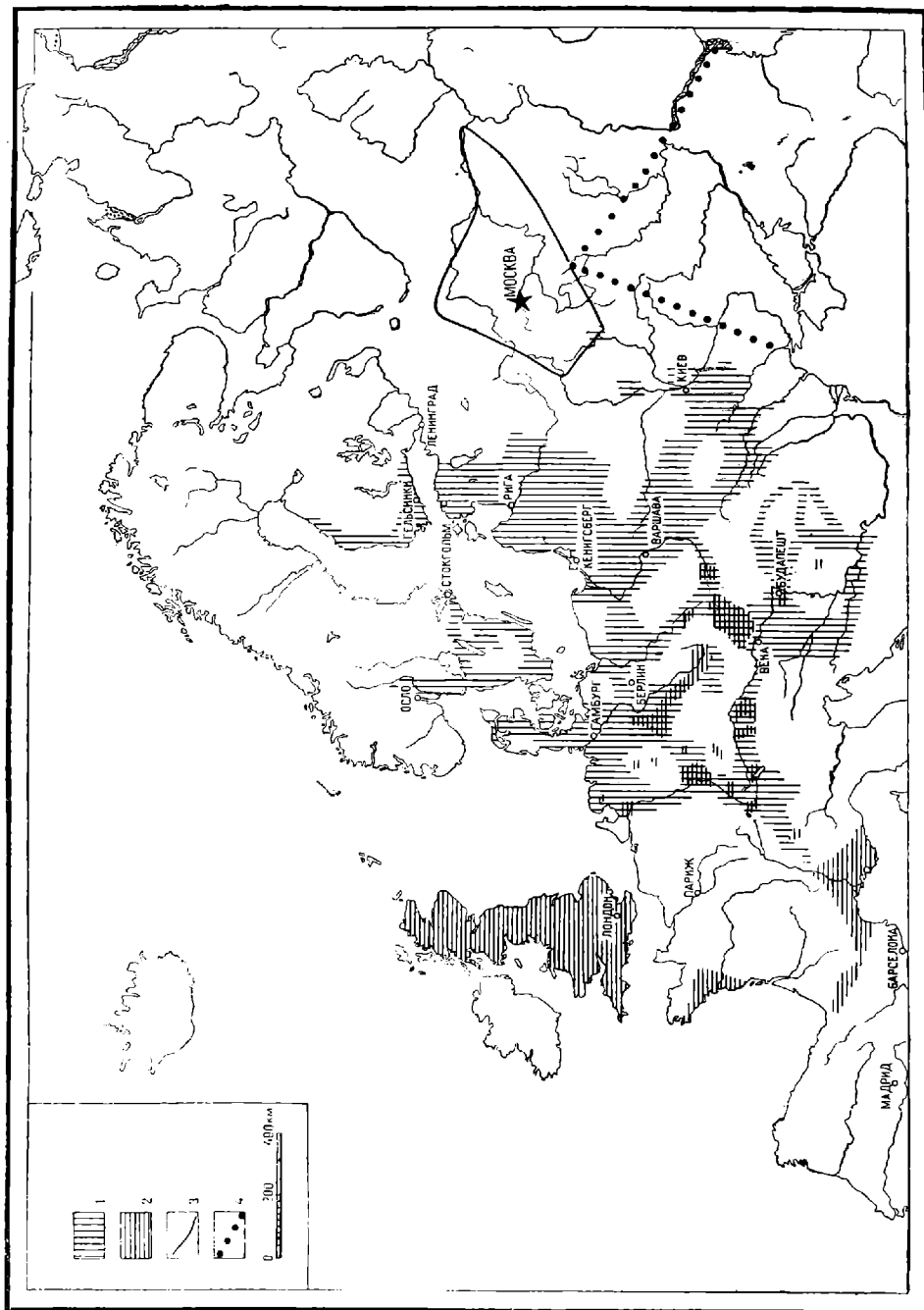


Рис. 3. Неолитическая Европа за 1800—1500 лет до н. э.

1. Выделены североэстонские племена: 1 — центральноевропейская группа выделяющаяся североэстонскими племенами („культура шуровой керамики“); 2 — западноевропейская группа выделяющаяся североэстонскими племенами („культура керамики коловолидных кубков“).
- II. Восточноевропейская группа выделяющихся североэстонскими племенами: 3 — лесная подгруппа („франкская культура“); 4 — степная подгруппа („вино-чашковидная культура“).

Аналогичные процессы имеют место и на территории Центральной Европы. Здесь в это же время складываются два основных культурно-племенных образования. Одно из них нам уже известно, это иорданско-носсвицтерская культура, во многом сближающаяся с культурой „могил с ходами“. На ряду с ней и почти на той же самой территории выделяется другая группа племен, керамика которых по одному характерному сосуду названа „керамикой шаровидных амфор“. Эта культура складывается и в Днестро-Днепровской области на основе поздне трипольских племенных образований. „Культура керамики шаровидных амфор“ многими чертами напоминает „культуру дольмен“. Племена иорданско-носсвицтерские и поздне трипольские, с одной стороны, и племена с этой характерной „керамикой шаровидных амфор“, с другой, выделяются из однородного земледельческого населения Средней Европы и Днестро-Днепровского бассейна, точно так же, как выделяются две основные группы „мегалитических“ племен Южной Скандинавии из однородного охотничье-рыболовческого населения Севера.

5. Переход от низшей к средней ступени варварства на территории Европы означал определенный перелом в истории ее древнего населения. Менялась не только экономическая структура, но и вся система междуплеменных взаимоотношений, создавались новые культурно-племенные единства (рис. 3), и этнографическая карта Европы получала новый характер. В основе всего этого лежал процесс постепенного формирования скотоводческих племен, начавшееся выделение их из основной массы варваров. При этом расширялись культурно-торговые связи между племенами, что выражалось в широком распространении первых металлов, янтаря и т. п. Различные местные передвижения и скрещивания формирующихся скотоводческих племен также имели важное значение. В результате вся культура первобытной Европы принимает значительно более единообразный характер, не только по системе хозяйства или социальных отношений, но и по ряду более мелких этнографических признаков (формы и орнаментация керамики, украшения, амулеты, погребальные обряды, боевые топоры и секиры). На основе всех предшествующих культурных образований складываются теперь четыре основные группы формирующихся скотоводческих племен, четыре новые культурные единства. Одну из них мы назовем „западноевропейской“. Она образуется на основе дальнейшего развития племен Шассей, Уиндмил-Хил, частично михельсбергских на территории современной Франции, Британии, Западной Германии и Голландии. Наиболее показательны исчезновение на всей этой территории крупных мегалитических сооружений и распространение небольших могильных каменных ящиков (кист) и курганов. По одному типичному сосуду керамика этой группы племен названа в археологии „керамикой колоколовидных кубков“, а культура — „культурой керамики колоколовидных кубков“. Вторая группа выделяющихся скотоводческих племен может быть названа „центральноевропейской“. Она складывается на обширной территории, ограниченной Рейном с запада, Днепром и Двиной на востоке, захватывающей бассейн Дуная на юге и Южную Скандинавию на севере. Многие различные племенные образования (поздне трипольские, ленггельско-носсвицтерские, „свайных построек“, вальтерниенбургские, „керамики шаровидных амфор“, „мегалитические“) объединяются в этом новом культурном единстве. В археологии оно известно под именем „культуры шнуровой керамики“. Постоянные земледельческие поселения перемежаются с временными становищами скотоводов. Невысокие курганы, скрывающие одиночные ямные могилы, или небольшие каменные кисты становятся основными формами погребений. Боевые топоры и кинжалы, стрелы и копья, пластинки для защиты рук при стрельбе из лука и выпрямители стрел, кривые ножи для свеже-

вания туш и обработки кожи, амулеты из просверленных зубов хищных зверей, различные костяные, янтарные и медные украшения — типичный инвентарь воина-скотовода и охотника — сопровождают эти могилы.

В это культурное единство включаются затем многие племена, у которых еще недавно господствовало охотничье-рыболовческое хозяйство. Минуя ряд промежуточных этапов, они переходят к довольно развитым формам производящего хозяйства и из их среды также формируются скотоводческие племена. Это происходит на территории Западной Ютландии, Восточной Норвегии, Центральной и Восточной Швеции, Западной Финляндии и Юго-восточной Прибалтики. Курганы с боевыми секирами и шнуровой керамикой представляют скотоводческие племена, выделяющиеся из основного охотничье-рыболовческого населения этих территорий. Из этого следует, что скотоводческие племена формировались на основе как примитивно земледельческого, так и охотничье-рыболовческого населения Европы, а следовательно, не только в ее лесостепной юго-западной, но и в лесной и степной северо-восточной и восточной частях. Так складывается восточноевропейская группа выделяющихся скотоводческих племен, в свою очередь распадающаяся на два основные культурно-племенные образования.

Одно из них формируется в лесной полосе Восточной Европы на основе дальнейшего развития охотничье-рыболовческих племен с „ямочно-гребенчатой керамикой“. В археологии оно известно под именем фатьяновской культуры. В этих условиях вполне естественно некоторое ее сходство с культурой „центральноевропейской группы“. Это относится и к культуре скотоводческих племен, выделяющихся в степной полосе Восточной Европы в результате дальнейшего развития неолитических охотничье-рыболовческих обществ Причерноморских степей. Культура курганов со скорченными костяками, ямными и особенно катакомбными погребениями представляет четвертое культурное единство энеолитической Европы.

Е. Ю. Кричевский

КНЯЖЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ XI в. В ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

(Сектор дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 9 XII 1939 г.)

I

Среди многочисленных открытий, которыми увенчались раскопки развалин Десятинной церкви, произведенные Киевской экспедицией Института археологии Академии Наук УССР в 1938—1939 гг., одним из наиболее интересных была находка древнего погребения, сохранившегося в почти полной неприкосновенности внутри развалин церкви. Неприкосновенность этого погребения более чем удивительна, так как территория Десятинной церкви подвергалась раскопкам уже дважды, в 1824 г. под руководством Лохвицкого и в 1826 г. под руководством арх. Ефимова, и может быть объяснена только крайней неряшливостью ведения упомянутых раскопок. С 1828 по 1935 г. погребение, как и вся западная часть развалин Десятинной церкви, находилось под новой церковью, выстроенной по проекту Стасова.

Погребение было обнаружено в совершенно истлевшем деревянном саркофаге, в западной части центрального нефа, под уровнем древнего пола церкви к северу от фундамента, соединяющего линию южных столбов центрального нефа. Саркофаг стоял параллельно линии фундамента, почти вплотную к нему.

От саркофага сохранилась истлевшая южная стенка на высоту до 0.10 м и западная на высоту до 0.35 м. На высоте около 0.5 м над основанием саркофага тщательной зачисткой прослежена деревянная двускатная крышка. Стенки саркофага, сделанные из досок около 0.05 м толщиной, были сбиты коваными железными гвоздями. Волокна досок южной стенки имеют горизонтальное направление, волокна досок западной — вертикальное. Длина саркофага 2.22 м, ширина — 0.65 м. Могильное пятно на 0.15 м шире и длиннее саркофага. В разных местах над погребением были найдены: бараний астрагал с обтертой поверхностью, крупный клык кабана, обломки костей животных и рыб, куски древнего кирпича и раствора, фрагменты древней керамики (XI в.). Так как никаких поздних находок в насыпи не было, можно предполагать, что перечисленные вещи были или брошены в могилу при погребении или попались при рытье могилы из более древних захоронений.

После снятия остатков истлевшей деревянной крышки был зачищен скелет, ориентированный головой на ЮЗ (рис. 4). Повидимому, при выемке бута фундамента была повреждена правая рука скелета, так как локтевая и лучевая кости поломаны и вдавлены в землю глубже дна саркофага, фаланги руки разбросаны в беспорядке, а лопатки и ключица не сохранились совсем. Левая рука лежала на животе. В остальном костяк не потревожен, но кости чрезвычайно хрупки.

Вдоль правой ноги, начинаясь от бедренного сустава и кончаясь немного ниже колена, лежал железный меч (дл. 0.59 м, шир. 0.06 м). На нем частично сохранились деревянные ножны с серебряным наконечником. Отлично сохранившийся наконечник представляет гладкую серебряную покрывку ножен, украшенную в верхней части гравированным орнаментом и заканчивающуюся сверху с каждой стороны птичьими головками, с изогнутым клювом и большим глазом (рис. 5а). Нижняя часть наконечника покрыта также гравированным плетеным орнаментом и накладной ажурной плетенкой с черневым заполнением. Внизу наконечника припаян серебряный шарик.

Верхняя часть меча вместе с рукояткой, к сожалению, обломана, повидимому при выемке бута древнего фундамента.

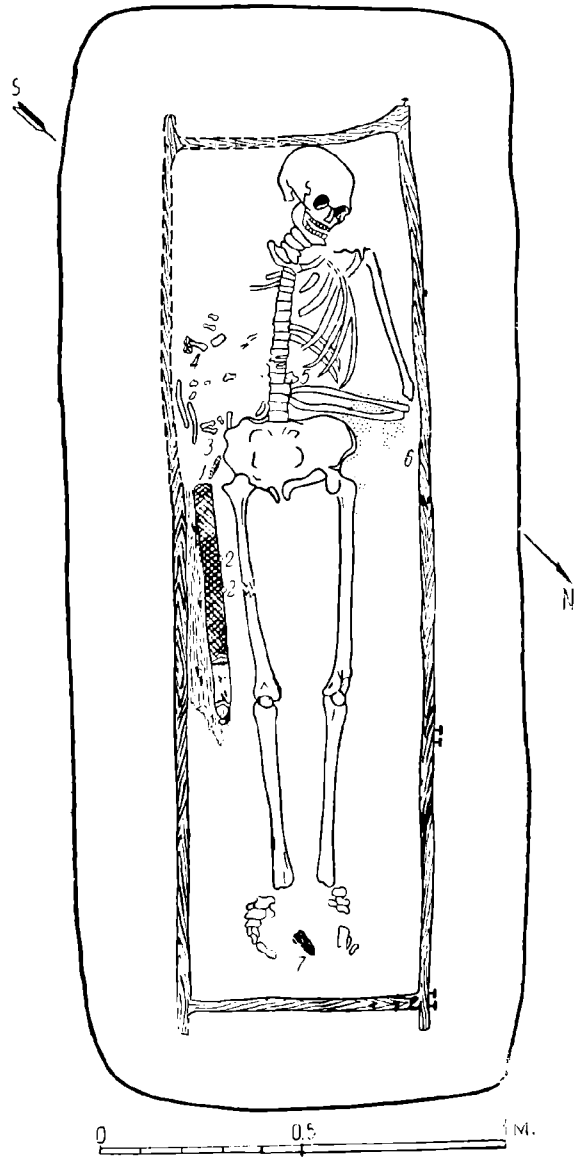


Рис. 4. Десятинная церковь. Погребение.

1 — меч; 2 — бляшки серебряные (3 шт.); 3 — наконечник ремня серебряный; 4 — пряжка серебряная; 5 — фрагмент серебряного украшения; 6 — остатки истлевшего вещества (ткань?); 7 — фрагмент стрелы (?).

Вдоль меча и особенно на нем сохранились незначительные фрагменты ткани. Подле меча и частью на нем были найдены три накладные серебряные бляшки сердцевидной формы с неподвижным колечком (рис. 5д). На лицевой стороне их орнамент с углубленным фоном, повидимому первоначально заполненным чернью. На обороте по два штифтика для прикрепления к ремню. У верхней (обломанной) части меча найден серебряный наконечник ремня с стилизованной звериной головкой (рис. 5б). Вся поверхность наконечника покрыта стилизованным растительным орнаментом, с углубленным фоном, заполненным чернью. Выше локтя правой (разрушенной) руки найдена серебряная орнаментированная пряжка с чернью (рис. 5в). Наконец, у позвоночника, немного выше таза, найден еще один фрагмент серебряного предмета с двумя круглыми отверстиями, покрытый рельефным орнаментом (рис. 5г). Назначение предмета установить не удалось.

Слева от тазовых костей лежали совершенно истлевшие остатки какой-то коричневой ткани, превратившейся в пыль.

II

Десятинная церковь уже с самых первых лет своего существования выступает в качестве княжеской усыпальницы. Еще основатель церкви кн. Владимир Святославич, по сказанию, занесенному в Степенную книгу, перенес в только что отстроенную церковь тело своей бабки кн. Ольги. В этой же церкви были погребены в 1015 г. сам Владимир и его супруга, византийская княжна Анна (Елена).

О погребении Владимира киевский летописец повествует с большими подробностями и, между прочим, сообщает, что он был положен в мраморный саркофаг, „в корьсту мороморяну“ (Лавр. лет. 1015 г.).

Летописное известие о смерти Анны не сообщает места ее погребения,¹ но о том, что она была погребена именно в Десятинной церкви, говорит свидетельство Титмара Мерзебургского, который в своей хронике, написанной вскоре после смерти Анны (сам Титмар умер в 1018 г.), писал: „Владимир уже в престарелом возрасте и после продолжительного царствования умер и погребен в Киеве большом городе, в храме Христова мученика папы Климента, возле вышеупомянутой жены своей (Елены гречанки), и саркофаги их стоят на виду, посреди храма“.² Еще Н. М. Карамзин³ высказал справедливое замечание, что в Десятинной церкви хранились мощи Климента и мог быть придел, посвященный этому святому. Наименование всей церкви именем Климента у Титмара, несомненно, ошибочно.

В 1044 г., по воле Ярослава, были выкопаны кости князей Ярополка и Олега Святославичей, умерших язычниками, и после совершения обряда крещения над ними были положены в Десятинной церкви.⁴

В 1078 г. в Десятинной церкви был с исключительным торжеством погребен сын Ярослава, Изяслав Ярославич, убитый в бою. Когда тело его, по старинному обычаю, везли в саях (хотя погребение происходило 3 октября), „изиде противу ему весь городъ Киевъ... и не бе лзе слышати пенья во плачи и велице вопли, плака бо ся по немъ весь градъ Киевъ... И принесше положиша тело его в церкви святыя Богородица, вложивше ѳ в раку мраморяну“.⁵

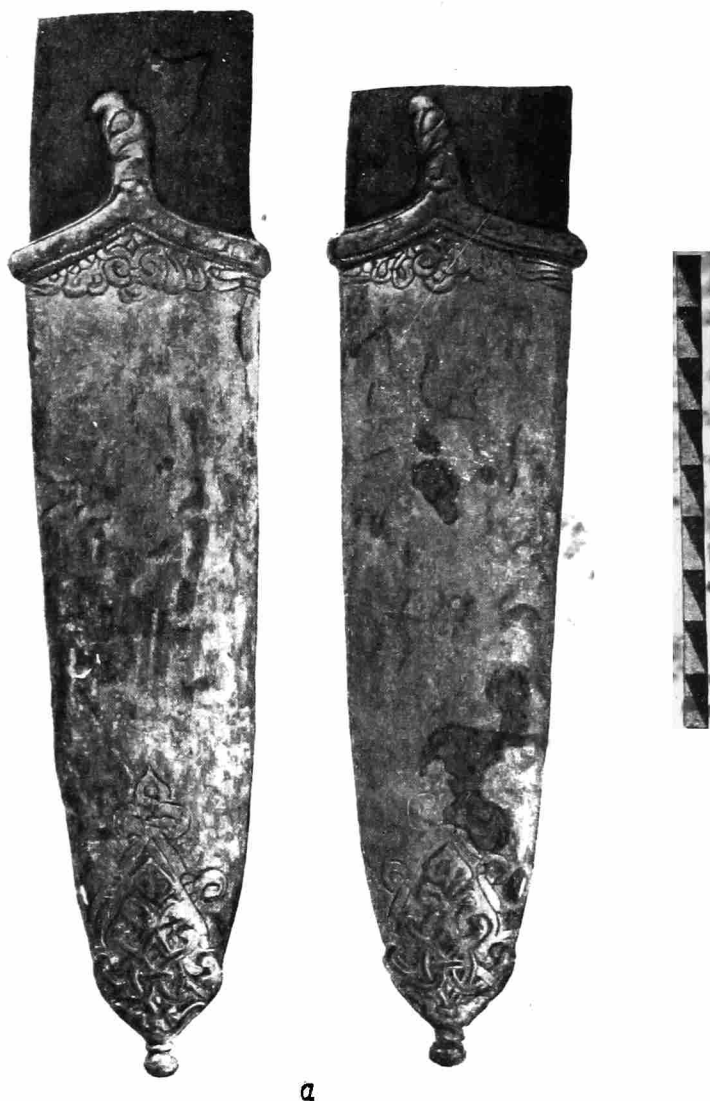
¹ В лето 6619. Преставися царица Володимиря Анна (Лавр. лет. 1011 г.).

² Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, отд. II, стр. 1.

³ История Государства Российского, т. I, прим. 488.

⁴ В лето 6552. Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиха кости ею, и положиша ѳ в церкви святыя Богородица (Лавр. лет. 1044 г.).

⁵ Лавр. лет. 1078 г.



а

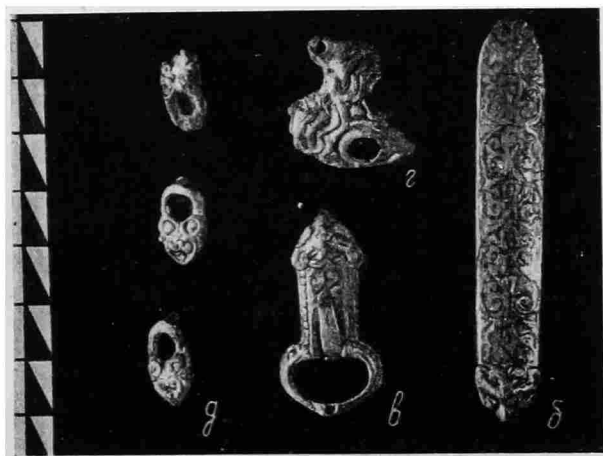


Рис. 5. Десятинная церковь. Инвентарь из погребения.

а — наконечник ножен меча;
 б — наконечник ремня,
 в — пряжка;
 г — фрагмент украшения;
 д — три бляшки.

В 1093 г. Десятинная церковь выступает в качестве усыпальницы в последний раз. В этом году в ней был погребен кн. Ростислав Мстиславич.¹ Никаких известий о погребениях в Десятинной церкви после этого года нет, хотя погребения князей попрежнему с большими или меньшими подробностями описываются в киевских летописях.

Местом княжеских погребений становятся, с одной стороны, собор Софии, с другой — различные княжеские монастыри.

Итак, на основании письменных источников, можно установить семь княжеских погребений в Десятинной церкви, относящихся к XI в. О трех из них письменные источники сообщают как о погребениях в мраморных саркофагах. Характер остальных погребений из письменных источников не может быть установлен.

III

Повышенный интерес к погребениям в Десятинной церкви возник еще в XVII в. и был связан с церковно-политической борьбой, развернувшейся на Украине между православной, униатской и католической церковными группировками, каждая из которых имела свою, более или менее ясно выраженную, политическую ориентацию.

Крупнейший представитель первой из этих группировок, митр. Петр Могила, развивал активную деятельность по реставрации церквей, считавшихся тогда постройками Владимира, стремясь тем самым подчеркнуть древность, исконность киевского православия. Понятно, каким крупным козырем в церковной борьбе была бы находка подлинных останков основателя киевского православия — кн. Владимира.

Нет ничего удивительного, что первый же открытый саркофаг в Десятинной церкви был объявлен, по рассказу Афанасия Кальнофойского (Тератургима), саркофагом Владимира.

В XVIII в. краткое известие Кальнофойского было весьма многократно повторено автором „Краткого исторического описания Киево-Печерской Лавры“,² который между прочим сообщил о находке П. Могилой двух мраморных саркофагов Владимира и Анны. Более достоверное известие об открытии во время реставрации церкви в начале XVIII в. двух мраморных саркофагов приведено Н. М. Карамзиным³ со слов И. Леванды.

В 1824 г., по поручению Е. Болховитинова, К. Лохвицкий подверг развалины Десятинной церкви сокрушительным раскопкам, в качестве итога которых остался чудовищный по безграмотности план этой церкви. В западной части южного нефа церкви К. Лохвицкий обнаружил „изломанную на три части фигурную гробовую крышку, из белого мрамора, под коей в щебне открыт остов, по замечанию врачей женский. При нем нашелся только перстень и крестик“. В северном нефе церкви Лохвицкий обнаружил: „три места гробовые, окладенные гладко тесаным камнем... Первый... гроб открыт до дна и оказался засыпан щебнем, под которым ничего не найдено“.⁴

Через два года, арх. Ефимов, присланный Академией художеств для освидетельствования остатков древнего фундамента, произвел новые раскопки. Он обнаружил, однако, не только открытые Лохвицким гробницы, но и другие, Лохвицким не раскопанные.

¹ В се же лето преставися Ростислав, сын Мстиславль, внук Изяславль, мѣсяца октября в 1 день; а погребен бысть ноября в 16, в церкви святыя Богородица (Лавр. лет. 1093 г.).

² 2-е изд., 1795, стр. 80.

³ История Государства Российского, т. I, прим. 488.

⁴ Н. За ре в с к и й. Описание Киева, т. I, М., 1868, стр. 287—288.

„Близ северной стены Могилянской церкви, извне оной, найдена изломанная на три части, белого мрамора фигурная гробовая крышка, под коей в щебне открыт остов“.¹ Это, несомненно, та гробница, о которой сообщал Лохвицкий.

„К востоку от алтаря малой церкви открыта каменная гробница, состоящая из плоских плит красного шифера, связанных железными прутьями. В ней нашли все сохранившиеся кости, кроме головы и правой руки, также остатки истлевшей парчевой одежды, золотую пуговицу и башмаки мужские. Близ описанной гробницы найдена гробовая, красного же шифера доска...“²

„К северу от малой Могилиной, и вне пространства, занимаемого древнею Владимировою церковью, вырыта другая гробница, тоже из плоских плит красного шифера, она украшена высеченными изображениями, подобными тем, кои находятся на надгробном памятнике в. кн. Ярослава I в Софийском соборе. В гробнице этой найдены все сохранившиеся кости, на оных истлевшая женская одежда, парчевое покрывало и башмаки. Без сомнения, гроб сей принадлежал какой-либо княгине, для нас неизвестной“.³

В 1908 г. Д. В. Милеев, при раскопках северной части Десятинной церкви, оказавшейся незастроенной новым церковным зданием, вновь вскрыл шиферный резной саркофаг, найденный в 1826 г. арх. Ефимовым. Тщательная раскопка Д. В. Милеева позволила установить важный факт, не замеченный Ефимовым. Когда был снят щебень, покрывавший верхнюю часть саркофага, наваленный, повидимому, после раскопок 1826 г., было обнаружено,⁴ что в нижней части саркофаг заделан кладкой тонким (древним) кирпичом на цемьянке великокняжеского времени. Следы приставшей цемьянки на верхних частях саркофага, а также куски кладки с оттисками орнаментов саркофага, очевидно, сбитые с него при расхищении (раскопках? М. К.) в XIX в., указывают, что саркофаг был заделан кирпичной кладкой великокняжеского времени. Полная правильность положения саркофага по отношению стены древней церкви, между ее пилястрами, и правильность кирпичной обкладки дали Д. В. Милееву все основания для заключения, к которому приходится полностью присоединиться, что саркофаг находится на своем первоначальном месте и что богатая орнаментация саркофага была сделана без расчета оставить саркофаг открытым.

После раскопок Д. В. Милеева саркофаг опять был засыпан. В 1918 г. он вновь, в третий раз, был раскопан и после раскопок был перенесен в Киевский Исторический музей. Ныне он экспонирован в Отделе истории архитектуры Киевского Софийского собора.

Саркофаг сделан из семи шиферных плит (толщ. 0.04 м), связанных внутри двумя железными связями. Наружные стороны богато украшены резной орнаментацией, внутренняя поверхность стенок гладкая. Костяк, лежавший в саркофаге, оказался в 1908 г. уже нарушенным. На нем обнаружены остатки истлевшей кожи. Никаких других предметов не оказалось, но наличие фиолетовых окислов на костях красноречиво свидетельствовало о том, что в саркофаге находились (до раскопок 1826 г.?) металлические вещи.

В итоге археологического изучения Десятинной церкви в развалинах ее разновременно найдено восемь древних погребений.

1—2. Два мраморных саркофага, впервые открытые при ремонте церкви, произведенном по инициативе кн. Долгоруковой в XVIII в. Один

¹ Н. Закревский, ук. соч., стр. 289.

² Там же, стр. 289.

³ Там же, стр. 289.

⁴ Отчет АК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 155—156.

из этих саркофагов, с разломанной на три части крышкой и с женским костяком внутри, вторично нашел Лохвицкий. В третий раз этот же саркофаг был обнаружен через два года раскопками Ефимова. Место этого саркофага показано на чертеже Лохвицкого в южном нефе церкви, у фундамента, соединяющего южную линию столбов.

3—5. Три каменных саркофага, раскопанные Лохвицким в северном нефе церкви; из них до дна открыт только один, оказавшийся заполненным щебнем, под которым ничего не было найдено.

6. Каменная гробница из гладких шиферных плит с плоской крышкой, раскопанная впервые Ефимовым в 1826 г. в южном нефе церкви. Внутри сохранился костяк, кроме головы и правой руки, что дало повод Ефимову приписать это погребение Владимиру. Саркофаг этот был сохранен в подцерковье новой Стасовской церкви, где для него была устроена специальная крипта. Перед сломкой церкви в 1935 г. саркофаг был перенесен в Отдел истории архитектуры Софийского собора, где и сохраняется поныне.

7. Каменный саркофаг из резных шиферных плит с двускатной крышкой, обнаружен впервые Ефимовым в 1826 г. Вторично саркофаг раскопан в 1908 г. Д. В. Милеевым и вновь засыпан; в третий раз раскопан в 1918 г. и тогда же перенесен в Киевский Исторический музей, а позже в Отдел истории архитектуры Софийского собора, где и сохраняется поныне.

8. Деревянный саркофаг, раскопанный в 1939 г.

IV

Итак, на территории развалин Десятинной церкви раскопаны восемь погребений, тогда как летописные известия говорят лишь о семи. В объяснение этой неувязки считаю возможным отметить одно обстоятельство. Внутри церкви найдено только семь погребений, ибо резной шиферный саркофаг, стоящий, как бесспорно доказано Д. В. Милеевым, на старом месте, находится вне стен древней церкви. Вне стен церкви Д. В. Милеевым были обнаружены к востоку от древних апсид еще два плохо сохранившиеся саркофага из гладких шиферных плит. Летописные известия во всех семи случаях указывают на погребения внутри церкви, да и вообще погребения князей около церкви, а не в ней самой, неизвестны. Это заставляет нас решительно отбросить укрепившуюся с 1826 г. атрибуцию этого погребения княгине Ольге. Погребение знаменитой бабки Владимира, первой княгини-христианки, вне церкви мало вероятно.

Есть ли возможность семь погребений внутри церкви связать, хотя бы гипотетически, с летописными известиями о погребенных в Десятинной церкви князьях и, в частности, можно ли установить, чье погребение с мечом раскопано в 1939 г.?

Князья Владимир и Изяслав были погребены в мраморных саркофагах. Обе княгини должны быть исключены, так как найденное в 1939 г. погребение — мужское, следовательно, из семи погребенных в Десятинной церкви князей с погребением 1939 г. могут быть связываемы только три погребения — Ярополка, Олега Святославичей и Ростислава Мстиславича.

Однако можно сделать попытку и дальнейшего уточнения. Погребение князей Ярополка и Олега Святославичей происходило, как указано выше, при особых обстоятельствах.

Князь Олег, сын Святослава, был убит во время битвы с братом своим Ярополком в 977 г. и погребен у города Вручого, где, очевидно,

над его погребением был воздвигнут курган, память о котором жила долго, ибо в летописи сказано: „и есть могила его и до сего дня у Вручего“.¹

Брат его Ярополк был предательски убит по поручению своего третьего брата, Владимира Святославича, в дверях дворца Владимира в 980 г.: „яко полезе в двери, и подъяста ѿ два варяга мечьми под пазусе“.²

Когда в 1044 г., т. е. через 64 года после смерти Ярополка и через 67 лет после смерти Олега, их кости были выкопаны и после совершения обряда крещения вновь погребены в Десятинной церкви, они, конечно, не могли быть положены в новый саркофаг в том анатомически правильном порядке, который виден на прилагаемом чертеже погребения 1939 г. (за исключением разрушенной позже правой руки). Таким образом из погребенных в Десятинной церкви князей погребение в деревянном саркофаге может принадлежать только князю Ростиславу Мстиславичу, погребенному в 1093 г. Погребение это последнее по времени. После него Десятинная церковь уже ни разу не упоминается в качестве княжеской усыпальницы.

V

Научное значение найденного в 1939 г. погребения исключительно велико. Это погребение — одно из весьма немногочисленных, известных нам от XI—XIII вв., нетронутых христианских погребений представителей верхов сложившегося феодального общества.

Христианские погребения XI—XIII вв. не вызывали до недавней поры никакого интереса у археологов, изучавших древнюю Русь, на том основании, что погребения эти по господствующему до настоящего времени убеждению якобы не заключают в себе интересного для археолога инвентаря, столь богатого в погребениях дружинников и князей IX—X вв.

Убеждение это сложилось, на наш взгляд, не столько из априорного представления о глубоком перерождении религиозных представлений христианизировавшейся верхушки феодального общества, сколько из того, что большая часть известных до последнего времени погребений, сохранившихся в древних храмах, представляла собою грубые фальсификации, сфабрикованные церковниками XVIII—XIX вв. Дошедшие до нас в виде „мощей“ княжеские погребения в наиболее крупных древнерусских храмах, конечно, представляли для археологии материал более чем сомнительный.

Наши раскопки 1933—1935 гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде³ показали, какую исключительную ценность в научном отношении представляют для истории культуры древней Руси нетронутые (или почти нетронутые) христианские погребения, сохранившиеся под полами древнерусских храмов. Сохранившийся в этих погребениях инвентарь, в подборе которого важнейшую роль играли старые, отнюдь не изжитые языческие представления о загробной жизни, в научном отношении представляет столь же большой интерес, как и инвентарь языческих курганов IX—X вв., хотя, конечно, и уступает ему в богатстве.

Находка нетронутого княжеского погребения XI в., счастливо дважды уцелевшего от сокрушительных раскопок, вновь позволяет убедиться в том, что с пренебрежительным отношением к христианским погребениям нужно покончить. Погребение это позволяет, в частности, отбросить одно прочно укрепившееся положение.

¹ Лавр. лет. 977 г.

² Лавр. лет. 980 г.

³ М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы 1933—1935 гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. Сов. археол., вып. 8 (печатается).

В археологической литературе неоднократно высказывалась мысль, что оружие, в изобилии встречающееся в курганных погребениях IX—X вв., начиная с XI в. полностью исчезает из инвентаря погребений, благодаря чему оружие феодалов XI—XII вв. мы знаем значительно хуже, чем оружие дружинников и дружинной знати IX—X вв.

Если последняя часть этого утверждения отражает действительное положение вещей, то предпосылки этого утверждения совершенно неверны. Исходя из этой неверной предпосылки, некоторые исследователи пытались объяснить наличие оружия в погребениях двух посадников начала XIII в., раскопанных мною в Юрьеве монастыре, провинциальным и потому более консервативным, полуязыческим характером погребального обряда в Новгородской земле. Есть ряд неоспоримых фактов, свидетельствующих о том, что не только в далеком Новгороде, но и в центре древнерусской культуры XI—нач. XII в. — в самом Киеве и в южных городах Киевской Руси — оружие, в частности меч, как и раньше, было необходимо в составе загробного снаряжения знатного воина.

В 1892 г. киевский археолог-дилетант Хойновский, наблюдая за земляными работами при постройке дома, на углу Трехсвятительской и Владимирской улиц, на территории усадьбы кн. Трубецкого, нашел разломанный на куски шиферный саркофаг, стенки которого были скреплены железными прутьями. Под обломками плит был найден скелет и при нем фрагмент зеленого мраморного нагрудного креста и замечательный меч в ножнах, отделанных золотом, согнутый пополам.

Судя по описанию и несовершенному рисунку, опубликованному Хойновским, меч был прямой (длина 92 см), с заостренным концом. Хойновский утверждал, что один край меча был острый, другой — тупой, покрытый инкрустацией, конец меча ($\frac{1}{4}$ длины) был обоюдоострый.

Думаем, что вследствие плохой сохранности меча Хойновский неверно реконструировал меч на своем рисунке. Инкрустированная тупая сторона меча на самом деле была остатком ножен, к которым были прикреплены золотые пластинки. Точная реконструкция меча и ножен затруднена тем обстоятельством, что меч был, повидимому, ободран нашедшими его землекопами, что подозревает и сам Хойновский.¹

Раскопки 1892 г. происходили на территории, которая целым рядом киевских археологов связывалась с Андреевским (Янчиным) монастырем, выстроенным в 1086 г. в. кн. Всеволодом Ярославичем для своей дочери Янки. Среди известных по летописным сведениям погребений в этом монастыре было два женских — кн. Анны, второй жены Всеволода, и дочери Всеволода Янки, и два мужских — кн. Ярополка II, сына Владимира Мономаха, умершего в 1139 г., и сына Андрея Боголюбского, дорогобужского князя Владимира, умершего в 1170 г. Хойновский приписывал найденное им погребение первому князю, на том основании, что, по его мнению, для Владимира, принимавшего деятельное участие в походах своего отца и в грабеже Киева, киевляне едва ли стали бы устраивать каменную гробницу. Соображение это, конечно, наивно, и вопрос об атрибуции погребения 1892 г. остается открытым. Ясно лишь одно, что это — погребение представителя киевской феодальной знати XI или XII в.

Есть сведения о том, что в конце XVIII в. под полом черниговского собора Спаса существовало много древних гробниц, на одной из которых лежал большой меч.²

¹ И. А. Хойновский. Раскопка великокняжеского двора древнего Киева, произведенная весной 1892 г. Киев, 1893, стр. 30.

² П. Иловайский. Черниговская старина, стр. 30. — А. Е. Ефимов. Черниговские кафедральные соборы. Чернигов, 1908, стр. 23.

Как бы ни относиться к решению вопроса о дате и о принадлежности двух псковских мечей, хранившихся до недавнего времени при гробницах Всеволода-Гавриила и Довмонта, самое хранение меча у гробницы, несомненно, представляет проявление старой традиции положения меча в состав погребального инвентаря.

Находка подлинного погребения XI в. с мечом в развалинах Десятиной церкви является новым веским подтверждением того, что не только в Новгородской земле, но и в самом Киеве христианские погребения в храмах сохраняли еще ряд пережитков старого курганного погребального обряда.

М. К. Каргер

II. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ИЗУЧЕНИЕ СЛЕДОВ РАБОТЫ НА КАМЕННЫХ ОРУДИЯХ

Изучение каменных орудий, начиная с Э. Лартэ и Г. де-Мортилье, опиралось на формально-типологический метод. Внешние признаки орудия, его форма, отражающая технические приемы его изготовления, служили важнейшими ориентирами, по которым каменные орудия классифицировались на определенные типы.

Результатом такого морфологического анализа явились более или менее устойчивые классификации для палеолита и неолита, а также были найдены признаки для более детального хронологического членения „древнекаменного века“. Это очень существенные завоевания формально-типологического метода.

Кроме того, путем изучения формы каменных орудий и сравнения их с орудиями современных отсталых народностей, делались попытки выяснить их функции, т. е. назначение и способ употребления.

Изучению функций палеолитических орудий некоторые ученые (Капитан, Вайзон, Пфейффер, Гериг) посвящали значительное место в своих работах. Но этот вопрос до сих пор еще не привлекал к себе заслуженного внимания. При отсутствии точных знаний о назначении орудий мы не можем уверенно говорить о формах хозяйства и производственных процессах первобытных человеческих обществ.

Предлагаемый метод исследования функций каменных орудий опирается на изучение следов, сохранившихся на поверхности орудий от употребления их первобытным человеком.

Следы эти бывают двух родов.

Во-первых, на рабочей части орудий от употребления могут образоваться выщерблины, выбоины в форме мелких фасеток, лунок и т. п.

Во-вторых, на рабочей части орудий от употребления может образоваться заглаженность, заполировка, имеющая вид блеска.

В виду того что следы первого рода образуются не только от работы, но и от случайных толчков, ударов, они не всегда могут служить признаками определенного способа употребления и назначения.

Следы в виде заполировки, в виде блеска имеют в этом отношении большие преимущества. Они образуются всегда от длительного употребления орудия. Свежесколотый кремь имеет матовую поверхность. Под увеличением очень хорошо видна зернистая, бугорчатая структура кремня в изломе. На такой поверхности свет рассеивается, чем и объясняется ее матовый тон.

От продолжительной работы эта зернистость кремня сглаживается, полируется, вследствие чего рабочая часть орудия начинает блестеть, отражая свет. При очень сильном увеличении и специальном боковом освещении нередко на рабочей части можно уловить штрихи, т. е. линии или царапины, расположенные параллельно одна другой. Эти линии лучше всего выявляются микрофотографией и служат хорошими указателями направления, в котором производилось движение орудием во время

работы. Когда эти линии не удается обнаружить, что бывает, если орудие служит для обработки очень мягких предметов, приходится ограничиваться формой и размерами заглаженности или блеска на орудиях и по этим признакам определять функции орудия.

Однако для изучения функций каменных орудий по следам от работы может быть пригоден далеко не всякий материал, а только материал из непо потревоженного культурного слоя, сохранивший свою поверхность в том виде, в каком он был покинут первобытным человеком. Каменные орудия, найденные на поверхности земли или во вторичном залегании, часто бывают окатаны водой или песком, отчего приобретают блестящую поверхность.

Даже при изучении материала из культурного слоя необходимо учитывать целый ряд фактов, усложняющих применение нашего метода.

Таких моментов мы отмечаем четыре.

1) На поверхности кремневого орудия нередко можно наблюдать большие блестящие участки, охватывающие сразу несколько граней или сторон, или даже всю нерабочую часть орудия. Это — блеск от руки, получившийся на орудиях, употреблявшихся без рукояток. В поры кожи руки всегда попадают мелкие песчинки, полирующие орудие.

2) Изредка на кремневых орудиях встречаются блестящие пятна, образовавшиеся в результате трения плохо упакованных орудий друг о дружку во время транспортирования.

3) Кроме того иногда обращают на себя внимание блестящие участки на орудиях, которые приготовлены не из свежего кремневого материала, а из окатанных песком в ручье или на поверхности земли обломков кремня или старых орудий.

4) Четвертым видом блеска на орудиях можно считать кварцевые прожилки, которые, хотя и очень редко, но встречаются на поверхности орудий.

Все эти четыре вида блеска имеют каждый свои специфические особенности, по которым они отличаются друг от друга и от блеска, образовавшегося в результате работы.

Кремень — важнейший материал эпохи палеолита — исключительно тверд (8 по шкале Мооса). Сопротивление кремня на стирании очень велико, о чем свидетельствуют нижеследующие цифры:

Гранит	1500—2200 кг/см ³
Кварцит .	2200—4800 „
Кремень .	4800—7900 „

Вследствие этого резкие следы на кремневых орудиях могут образоваться лишь в процессе весьма длительного применения орудия. А так как кремень очень хрупок, орудия из него недолговечны.

Как обнаруживаются следы употребления на орудиях? Наиболее резкие следы (блеск, заполировка, заглаженность, значительные царапины и т. п.) нередко бывают видны простым глазом при обыкновенном освещении, но без деталей. Заглаженные ребра, затупленные лезвия часто выявляются „прощупыванием“ пальцами сухой руки.

Для более детального наблюдения необходима лупа. Простая десятикратная лупа дает иногда возможность выявить на заполированном участке полосы, царапины, показывающие направления движения орудия.

С такой лупой необходимо работать при солнечном освещении, перенося орудия из рассеянных лучей под прямые и отмечая все изменения на его поверхности.

Основная масса орудий носит такие слабые следы, которые обнаруживаются лишь с помощью бинокулярной лупы. Последняя дает стереоскопическое изображение и обладает силой до +100.

С бинокулярной лупой лучше всего работать при сильном искусственном концентрированном свете, которым можно управлять как лучом прожектора. Для этой цели нами применялся леоскоп, установленный на подвижном штативе, позволяющем давать различные виды бокового освещения.

Перед изучением орудие должно быть тщательно очищено. Все посторонние вещества должны быть удалены водой, а в некоторых случаях и слабым раствором соляной кислоты.

Фиксация наблюдаемых следов, т. е. документация их, возможна путем зарисовки и микрофотографирования. Рисунки, сделанные специалистом-художником по микронатуре, очень хороши, но не удовлетворяют всем требованиям.

При микрофотографировании стоят на пути большие трудности. Стекловидная структура кремня при увеличении становится совсем прозрачной. Блики на заполированных местах искажают форму следов. Только применение магниевого опыления (т. е. копчение в пламени горящего магния) устраняет блики, покрывая поверхность тончайшей матовой пленкой. Но магниевое опыление возможно лишь в малых дозах. Толстый слой магниевой копоти закрывает мельчайшие следы на орудиях.

Кремневый инвентарь, который был первым подвергнут исследованию новым методом, происходит из стоянок Костенки I, Тимоновка и пещера Вирхова (Сакаджиа).

Костенки I — верхнепалеолитическая стоянка, расположенная на Дону в 40 км ниже г. Воронежа. В последние годы она детально исследована П. П. Ефименко.

Тимоновка — стоянка того же возраста, раскопана В. А. Городцовым. Расположена по р. Десне возле г. Брянска.

Пещера Вирхова находится вблизи г. Кутаиси (дер. Моцамети) на Кавказе.

Прежде всего была исследована поверхность отщепов. Совсем недавно этот вид каменных остатков, полученных при расщеплении нуклеусов, не принимался во внимание. Изучение отщепов из вышеназванных стоянок привело к очень интересным результатам. Оказалось, что среди отщепов имеются многие экземпляры, которые носят все признаки использования их в качестве орудий. Были установлены отщепы-ножи, отщепы-скребки, отщепы-проколки, отщепы-скобели, отщепы-резцы и т. д.

К категории отщепов-резцов можно, например, отнести орудие с рабочей частью в форме клюва (рис. 6) из стоянки Костенки I. Клювовидная рабочая часть этого своеобразного орудия сильно заполирована от употребления. Орудие очень хорошо зажимается в руке, так как все острые, режущие руку края намеренно затуплены ретушью.

Повидимому, мы здесь имеем очень редкую случайную форму отщепарезца, приспособленного для выполнения орнаментальных работ по кости, рогу и бивню.

Аналогичные орудия обнаружены нами среди кремневых материалов Тимоновки и пещеры Вирхова.

Обратимся от отщепов к настоящим орудиям. Как известно, кремневые резцы, несмотря на внешнее сходство их рабочей части с резцами металлическими, не были правильно определены с самого начала.

Первоначально резцы назывались метчиками, пока Леге не удалось доказать экспериментальным путем, что ни одно орудие не является столь эффективным в деле обработки кости, как резец.

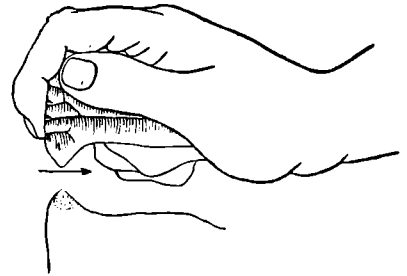


Рис. 6. Употребление отщепа в качестве резца (точками указано место заполировки).

Изучение поверхности резцов вполне подтвердило точку зрения о функциях резцов, установленную опытами Леге. Нами обнаружена на очень многочисленных экземплярах заполировка, сосредоточенная на самых кончиках режущей части орудий.

Но следы употребления на резцах очень слабо выражены и прослеживаются лишь с помощью лупы. Это объясняется большой ломкостью рабочего конца у резцов. Работа по таким твердым материалам, как рог, кость и бивень мамонта, вполне объясняет это явление.

Значительно ярче следы употребления выражены на скребках. Изученная нами большая группа концевых скребков из стоянки Тимоновка представила в наше распоряжение данные для окончательного решения вопроса о функциях этого орудия.

Надо сказать, что этот вопрос был правильно решен с самого начала. Но так как первоначальное определение назначения концевого скребка было чисто формальное, то некоторые ученые не считали для себя такую точку зрения обязательной. Так, например, германский ученый Л. Пфейффер приписывал концевым скребкам универсальные функции, среди которых наиболее существенными он считал функции резания.

Результаты наших исследований не подтверждают такой гипотезы.

Сработанность на концевых скребках всегда носит характер затупленности рабочего края. Блеск, образовавшийся от работы, как правило, сосредоточивается лишь по самому лезвию скребка, никогда не заходя на брюшко. Этот факт указывает, что орудие имело в работе фронтальное положение и направление движения скребущего орудия.

На микрофотографии, кроме затупленности, даже видны поперечные царапины, свидетельствующие о фронтальном способе употребления скребков.

В дальнейшем нами были исследованы концевые скребки из других палеолитических стоянок (Супонево, Мальта, Елисеевичи, пещера Вирхова и т. д.). Везде следы употребления на концевых скребках были одинаковы. Даже скребки эпохи бронзы с точки зрения следов работы не отличаются от палеолитических.

Несомненно, что эти орудия служили для обработки кожи. Малая ширина рабочего лезвия у концевых скребков, приготовляемых из пластинок, служит указанием на то, что такие скребки могли употребляться лишь в последней стадии процесса обработки кожи, которая называется пушением бахтармы, т. е. размягчением кожи меха путем соскабливания и разрыхления твердых участков, сохранившихся на коже. Царапины, идущие поперек лезвия скребков, зафиксированные микрофотографией, образовались, по всей вероятности, от песчинок, которые должны были неизбежно прилипать к обрабатываемой коже.

Среди материалов Костенки I нами выделена группа ножей, приготовленных из хороших пластин с выемкой на передней части для указательного пальца. Большей частью эти ножи имеют блеск на обеих сторонах лезвия, который показывает, что эти орудия служили для резания мягких веществ, по видимому мяса, ибо в процессе резания мягких веществ лезвие ножа глубоко проникает в тело и давление распределяется на обе стороны более или менее равномерно.

Однако один экземпляр является исключением из общего правила. Блеск здесь расположен лишь на одной плоскости, только на брюшке. Блеск очень интенсивный, свидетельствующий о продолжительном употреблении. Орудие прекрасно укладывается в правую руку. Его форма и следы от работы дают также возможность воспроизвести способ употребления.

Надо полагать, что здесь мы имеем нож для строгания дерева или кости, ибо только от строгания твердых веществ давление материала

сосредоточивается, главным образом, на одной стороне лезвия, так как нож кладется на объект наклонно.

Значительный интерес представляют результаты исследования поверхности наконечника с выемкой из Костенок. Кроме Костенок, это орудие известно в Бердыжской палеолитической стоянке, а также в очень многих местонахождениях Западной Европы.

Наконечник с выемкой обычно принято было рассматривать как наконечник для дротиков. Однако в качестве метательных орудий наконечники не могли получить блеска на своей поверхности. Чтобы наконечник копья получил блеск от употребления, необходимо было, по крайней мере, убить одним и тем же орудием несколько сот животных. Это практически невысказимо. Кремневый наконечник очень хрупкий, конечно, очень часто ломался.

Исследованные нами экземпляры дают основание считать, что перед нами нож-кинжал, приспособленный для вспарывания туш животных (рис. 7). Длина этих наконечников 100—120 мм, ширина 25—35 мм.

Для этой функции необходимо было орудие остроконечное, очень острое и хорошо укладывающееся в руку. Всем этим требованиям наконечник с выемкой вполне отвечает. Его выемка внутри заполирована, что указывает на большое давление, которое испытывала выемка от пальцев руки.

Перед нами „наконечник с выемкой“, длина которого равна 45 мм, ширина 8 мм. Самый кончик его сильно блестит от употребления. Несомненно, что здесь проколка, хотя и приготовлена аналогичным способом. Прокалывание отверстий на толстой и крепкой коже, из которой могла готовиться одежда, требовало кремневого орудия, ибо костяные иглы служили только для продевания через готовое отверстие сухожильной нитки.

При исследовании поверхности нуклеидных обломков иногда обнаруживаются весьма любопытные следы, указывающие на оригинальный способ их употребления. Для примера мы остановимся на массивном пятигранном кремне неуклеидного облика из Тимоновки.

С точки зрения морфологической этот кремне можно было бы принять за килевидный скребок или за простой нуклеус. В действительности он оказывается резцом. В качестве рабочей части на нем использован выступ, оставшийся от неудачного вертикального скола. Выступ сильно заполирован с двух сторон. По всем признакам этим резцом работали по твердому материалу с приложением большой физической силы, так как форма позволяет хорошо закрепить его в руке.

Следы работы на неолитических орудиях чрезвычайно разнообразны, и очень хорошо выражены. Орудия из нефрита в этом отношении особенно интересны. На ряду с большой твердостью нефрит обладает исключительной для каменных материалов вязкостью. Нефритовые орудия сохраняют на поверхности очень глубокие следы. Так, например, на нефритовых топорах из ангарских неолитических погребений следы в виде значительных желобков на лезвии прекрасно видны невооруженным глазом. На нефритовых тесах и ножах такие следы встречаются очень часто на ряду с блеском.

Изучение вопроса о назначении орудий путем исследования на их поверхности следов употребления не ограничивается лишь областью

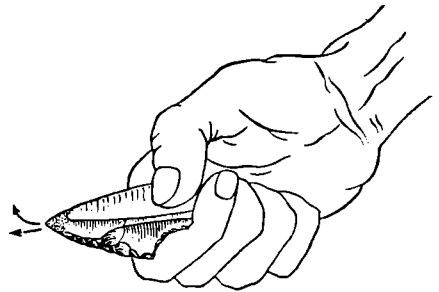


Рис. 7. Способ употребления остроконечника с выемкой (точками указано место заполировки).

каменного (палеолитического и неолитического) археологического материала. Многочисленные костяные орудия различных эпох, начиная с палеолита и кончая первыми веками н. э., также могут служить объектами подобного исследования, поскольку вопросы о назначении их еще недостаточно выяснены.

С. А. Семенов

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТЕ В КРЫМУ

В последнее двадцатилетие ряд исследователей интенсивно работал над изучением позднепалеолитических памятников Крыма.¹ Тот интерес, который вызвали к себе эти памятники, обусловливался, прежде всего, весьма слабой изученностью эпохи перехода от палеолита к неолиту, имеющей исключительно важное значение в первобытной истории. Как известно, это время охватывает высшую ступень дикости по классификации Энгельса.

В переходную эпоху от палеолита к неолиту, именуемую часто мезолитом, эпипалеолитом или азильско-гарденуазской эпохой, происходит ряд крупнейших изменений в хозяйстве древнего человека, связанных с изобретением лука со стрелами и началом приручения домашних животных. В это время произошли коренные изменения и в природной среде, в связи с прогрессивным угасанием ледниковых явлений.

В общественной структуре человеческих коллективов эти изменения безусловно нашли свое отражение и проявились в ряде своеобразий мезолитических поселений, искусстве, обряде погребений и т. д.

Относительно лучше других мезолитических памятников СССР изучены памятники Крыма, несмотря на исключительно неблагоприятные условия залегания, в которых они встречаются, — на выдувах, в слоях, смещенных оползевыми явлениями или перемытых водными потоками. Только пещерные местонахождения сохраняют в своих напластованиях неповрежденными остатки деятельности человека.

Большинство стоянок мезолитического времени найдено на крымских яйлах, причем основная их масса группируется на плато I гряды Крымских гор, примыкающих к побережью. Известны они также в пределах второй гряды (главным образом в пещерах), в предгорной полосе и, как редкое исключение, в степной части Крыма. К настоящему времени найдено свыше 100 местонахождений, которые по ряду признаков относились к мезолиту. Следующая по времени стадия — неолит — до сих пор в пределах Крыма считается необнаруженной, тогда как от эпохи бронзы сохранился ряд поселений, из которых наиболее ранними можно считать так наз. кизил-кобинские комплексы. Кажется странным, почему столь многочисленные стоянки заключительной поры палеолита остаются изолированными по восходящей линии развития? И чем объяснимо отсутствие памятников неолита в Крыму?

Невозможно допустить, чтобы увеличивающийся рост народонаселения к концу палеолита, о чем свидетельствует многочисленность стоянок этого времени, вдруг стремительно сократился и сами стоянки резко уменьшились в числе.

Также трудно предположить, чтобы в неолитическую эпоху население покинуло пределы Крыма с тем, чтобы только в эпоху бронзы возвра-

¹ Начало изучения палеолита Крыма, в том числе и поздней его фазы, как известно, было положено К. С. Мережковским, затем более чем через 30 лет исследованием стоянок позднего палеолита занялись Н. Н. Клепинин, А. С. Мойсеев, С. И. Забин, позднее Б. С. Жуков, Г. А. Бонч-Осмоловский, О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, а также ряд местных музейных работников.

таться опять сюда. Неверной окажется также ссылака на недоследованность Крыма с точки зрения выявления неолитических памятников. В отношении археологической изученности Крым как раз представляет собой счастливое исключение. Если мы имеем свыше 100 мезолитических стоянок, нельзя допустить, чтобы не было обнаружено ни одной стоянки, представляющей следующий этап развития, связанный, вероятно, с еще большим увеличением народонаселения. На наш взгляд вопрос о существовании неолита в Крыму не получил своего разрешения лишь потому, что материалы, собранные из стоянок, не изучались во всей полноте и часто к изучаемым комплексам подходили с очень узкими формально-типологическими задачами.

До настоящего времени руководящей формой кремневых орудий, определяющей мезолитический возраст стоянок, считаются геометрические микролиты, имеющие вид трапеций, сегментов, округлых скребочков и т. п. Все эти типы кремневых изделий весьма широко представлены как в более ранних мезолитических слоях крымских пещерных стоянок (Шан-коба, Фатьма-коба, Земиль-коба, Буран-кая и др.), так и в более поздних наслоениях этих и других пещер, относящихся уже к тарденуазскому времени (вторая фаза мезолита). На открытых стоянках Яйлы, например Ат-баш, Балин-кош, Джайляу-баш, Сары-голь, плотина Сикорского, у фермы б. Юсупова, Кара-кач (Бахчисарайское шоссе) и др., тоже наблюдается большое количество кремневых геометрических изделий. Наличие в тех и других стоянках микролитических форм дало ряду исследователей основание отнести эти стоянки к тарденуазскому времени. Так, например, Г. А. Бонч-Осмоловский датировал многочисленные стоянки Яйлы тарденуазом и включил их в сводную карту палеолитических местонахождений Крыма, позднее переизданную в ряде заграничных изданий.¹

О. Н. Бадер, много потрудившийся над изучением стоянок Яйлы, дал ту же датировку ряду памятников, в том числе стоянке Ат-баш, Джайляу-баш и др.²

Вслед за названными исследователями стало общепризнанным считать датировку всех стоянок Яйлы тарденуазским временем. Между тем есть некоторые основания в ряде случаев пересмотреть ее.

Необходимо отметить, что при определении возраста Яйлинских стоянок не учитывались сопровождающие микролиты находки и, в первую очередь, керамика. Сначала А. С. Моисеев,³ затем Б. С. Жуков⁴ и О. Н. Бадер⁵ в своих работах отмечали находки керамики на стоянках с микролитическим инвентарем. Особенно показательна в этом отношении стоянка Ат-баш (раскопки Б. С. Жукова), где в безусловно непотревоженных слоях был найден обломок днища архаического остродонного сосуда, который нельзя рассматривать как случайно попавший в культурный слой. Тем не менее эта находка не послужила основанием для пересмотра датировки поселения на Ат-баш. На другой стоянке, Джайляу-баш, О. Н. Бадер обнаружил культурный слой, где керамика залегала вместе с микро-

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междун. конф. АИЧПЕ, вып. V, стр. 157 и сл. (описание стоянок). См. карту к этой же статье, 1931 г. См. также карту у: F. Hončar. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis zur Zeit seiner frühen Metallurgie. Leipzig, 1937. В этой же книге дано описание тарденуазских стоянок Крыма, стр. 134—138 (о Яйлинских стоянках).

² О. Н. Бадер. Некоторые итоги изучения эпипалеолита Крымской Яйлы (тезисы доклада). Изд. Инст. этногр. Акад. Наук СССР, 1936.

³ Каменный век на Крымской Яйле. Природа, № 7—12, 1923.

⁴ Раскопки и обследования стоянок культуры „микролитов“ на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г. Крым, № 2 (4), М., 1927.

⁵ Ук. соч.

литами. Весь этот комплекс он относит к тарденуазскому времени.¹ В 1936 г., при раскопках навеса Шан-коба, был выделен в самом верху напластования прекрасно сохранившийся культурный слой, содержащий, на ряду с многочисленными микролитами, фрагменты черной, иногда орнаментированной керамики. Стратиграфическая ясность положения слоя и размещение находок в нем не могут быть оспариваемы.

Если не ограничиваться только примерами крымских поселений, можно указать на исследования Н. В. Сибилева на Донце,² установившего совместное залегание микролитов и керамики на ряде стоянок. М. Е. Фосс, изучая поселения в пределах среднего течения р. Оскола, обратила внимание на находки керамики срубного типа вместе с трапециевидными и треугольными микролитами.³ В. В. Гольмстен также отмечает этот факт для стоянок эпохи ранней бронзы в пределах Куйбышевской области.⁴ В нижнем Поволжье Т. М. Минаевой наблюдался случай бытования микролитов с керамикой на одной из стоянок на р. Тонгуне.⁵ Наконец, известны находки типичных микролитов сегментовидной формы в таком относительно позднем памятнике, как Майкопский курган.⁶ Таким образом сейчас уже нет серьезных оснований исключать возможность совместного нахождения микролитов и керамики, тем более, что сами микролиты существуют весьма длительный промежуток времени и, безусловно, свидетельствуют о прогрессе в технике обработки камня. Применение вкладышевой техники, в которой как раз и использовались микролиты, начинается еще в верхнем палеолите, о чем со всей достоверностью говорят находки в Европе и, главным образом, в СССР.⁷ Они бытуют примерно до конца эпохи бронзы и даже в ряде случаев, повидимому, дают формы для изготовления железных метательных орудий.⁸ Однако сами микролиты, конечно, претерпели целый ряд существенных изменений и в форме и в функциональном назначении.

Возвращаясь к вопросу о находках в Крыму, укажем, что установленные факты совместного залегания микролитов с керамикой на стоянках Яйлы позволяют вывести эти комплексы из числа относящихся к переходной поре от палеолита к неолиту. Это необходимо сделать уже потому, что ни одно типично тарденуазское поселение Крыма не дает подобного сочетания находок. Для примера сошлемся на упомянутые уже нами поселения Шан-коба (3-й слой), Мурзак-коба, Земиль-коба (верхний слой), Джайляу-баш (нижний слой), Фатьма-коба (верхний слой), Кук-рек, Буран-кая и др. Между прочим, укажем и на типичные тарденуазские стоянки Запада Европы и Средиземноморья, где точно так же не встретим таких условий, при которых микролиты залегали бы вместе с керамикой. Кажущееся исключение составляет грот Мартине⁹ во Фран-

¹ Там же.

Советская археология, № 5 и доклад на III конференции АИЧПЕ в Киеве (по стенограмме).

² М. Е. Ф о с с. Отчет об археологической экспедиции в Донецкий бассейн. Архив ИИМК, дело № 46 за 1935 г.

³ В. В. Г о л ь м с т е н. Археологические памятники Самарской губ. Тр. Секции археол. РАНИОН, т. IV, 1928.

⁴ Т. М. М и н а е в а. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. Тр. Нижне-Волжского научн. общ. краевед., вып. 36, 1929.

⁵ Альбом рисунков, помещенных в отчетах Археологической комиссии за 1882—1898 гг., стр. 208, №№ 1311—1315, СПб., 1906.

⁷ Особенно ярко это отражено в находке М. В. Талицкого. При раскопках Островской палеолитической стоянки у г. Молотова им найдено костяное орудие с вкладышами. Кроме того в позднепалеолитических стоянках СССР известны многочисленные находки костяных острий с прорезанными боковыми пазами для вкладышей.

⁸ Н. В. С и б и л е в. Древности Изюмщины, вып. I. Изюм, 1926, табл. XXXV, рис. 2—4 во втором ряду слева.

⁹ L. C o u l o n g e s. Les gisements préhistoriques de sauveterre-la-Lémance. Archives de l'Institut de paléontologie humaine, Mémoire 14, 1935, стр. 25 и сл.

ции. Здесь Л. Кулонж выделяет горизонт тарденуаз III, где это сочетание налицо. Однако, оценивая этот комплекс в целом, приходится прийти к выводу, что он не имеет ничего общего с тарденуазом, а относится к значительно более позднему времени, может быть даже к поздней фазе неолита.

Вопрос о датировке керамических стоянок Крыма, где одновременно отмечены находки микролитов, получит большую ясность, если обратиться к самим микролитам. Оказывается, что эти изделия с удивительным постоянством встречаются в Крыму в стоянках с керамикой и без таковой, причем на ряду с микролитами часто встречаются многочисленные другие формы кремневых орудий, присущие тарденуазу. Однако в комплексах, где найдена керамика, микролиты носят свои специфические особенности. Так, например, дуга сегментовидных изделий часто оформляется плоской ретушью, далеко заходящей на спинку (рис. 8а). Трапециевидные микролиты приобретают высокую форму благодаря использованию сечения широких пластинок. Но самое главное отличие состоит в том, что на поселениях, где встречена керамика, находятся микролиты типа „трапеций со стесанной спинкой“. Они представляют собой довольно правильные изделия, у которых верхняя плоскость оформляется мелкой отжимной ретушью, покрывающей ровными фасетками нередко всю поверхность изделия (рис. 8б). Безусловно, что трапеции со стесанной спинкой имели то же функциональное назначение, что и трапециевидные формы более ранних микролитов, которым посвящена большая литература. Они являлись вкладышами, в основном, метательных орудий, однако могли также выполнять функции составных режущих лезвий.

В крымских поселениях на Яйле трапеции со стесанной спинкой найдены в ряде стоянок в сопровождении керамики (Ат-баш, Джайляубаш, Балин-кош, Кара-кач и др.). В Шан-коба (верхний слой) они найдены в числе около 100 штук и опять-таки вместе с керамикой.¹

Неудивительно, что трапеции со стесанной спинкой появляются в комплексах, где находилась керамика и, наоборот, они не встречаются в слоях, относимых к тарденуазу. Присутствие керамики в слоях с микролитами позволяет относить эти находки к более позднему времени, чем тарденуаз; техника обработки камня лишь подкрепляет это положение.

В самом деле, появление плоской отжимной ретуши, распространяющейся почти по всей поверхности орудий, отнюдь не представляет собой явления, присущего палеолиту и даже поздней его поре, тогда как в неолите эта особенность имеет широкое распространение.

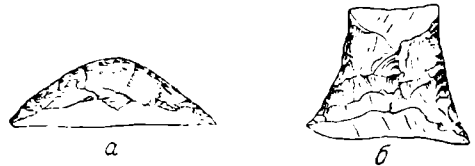


Рис. 8. Кремневые сегмент и трапеция.

¹ Не вполне ясной остается находка К. С. Мережковского у сел. Кизил-коба. Здесь им найдено три местонахождения. На одном из них Мережковский собрал кроме кремней „несколько черепков глиняной посуды самого древнего характера, т. е. с чрезвычайно толстыми стенками из глины почти не обожженной и большой примесью угля, крупных зерен кварца и истолченных раковин“. В публикуемом материале Мережковский дает, на ряду с характерными тарденуазскими типами орудий, сегменты с отжимной ретушью и одну трапецию со стесанной спинкой. Можно полагать, что на месте изготовления орудий поселения не было, поэтому он не нашел здесь керамики. В соседних же местах были поселения, в частности там, где была найдена керамика. Кстати сказать, все три названных им пункта у сел. Кизил-коба остаются до сих пор не найденными (К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях в Крыму. Изв. РГО, 1880, т. XVI, стр. 120, табл. IV). В соседнем с навесом Шан-коба навесе Фатъма-коба при раскопках найдена трапеция со стесанной спинкой в верхних горизонтах напластований. Скорее всего она была занесена сюда из Шан-коба, где, как показало исследование, существовало крупное поселение (Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч., табл. IX, 1).

Для иллюстрации закономерности появления трапеций со стесанной спинкой в неолитическую эпоху приведем несколько примеров из стоянок юга СССР. О. Н. Бадер, изучая стоянку у Красного озера близ Каменной могилы на Мелитопольщине, выделил культурный горизонт, где были найдены трапеции со стесанной спинкой вместе с керамикой; ниже этого слоя залегал горизонт, содержащий обычные микролиты и без находок керамики.¹ Две трапеции со стесанной спинкой известны из Мариупольского могильника, датированного поздним этапом неолита.²

В районе порожистой части Днепра на неолитической стоянке на острове Волчок А. Добровольский отмечает находки трапеций со стесанной спинкой.³ В пределах распространения лесного неолита этот тип изделий не встречается.

Обратившись к материалу из западноевропейских и капсийских стоянок, можно заметить, что в позднепалеолитическом инвентаре трапеции со стесанной спинкой отсутствуют, однако весьма широко распространены трапеции обычного типа. В неолите же аналогичные изделия, оформленные плоской ретушью, уже имеют место. Это видно на материалах, приводимых Пейрони⁴ и Вофреем,⁵ или на той же стоянке Мартине (для Атлантической области).

Резюмируя все сказанное, можно прийти к следующему заключению. Значительное число „мезолитических“ стоянок Крыма, где встречена керамика вместе с трапециями со стесанной спинкой, по стратиграфическому признаку (залегание над тарденуазскими слоями), характеру инвентаря, техническим приемам обработки камня и аналогиям с изученными неолитическими памятниками должны быть отнесены к неолиту. Выделение их заполняет существенный пробел в истории Крыма, который до сих пор оставался в наших знаниях.

В заключение остается коснуться вопроса о так наз. макролитах. Как известно, неолитические памятники СССР, особенно на юге, содержат в своем инвентаре крупные кремневые орудия, характеризующие ранний этап неолита. В крымских неолитических комплексах крупных орудий типа макролитов не встречается. Однако следует заметить, что уже в позднем палеолите появляются формы, свидетельствующие о выработке новых технических приемов в обработке камня и появлении новых форм орудий. В верхних слоях навеса Шан-коба встречаются крупные отщепы, используемые как орудия. В тарденуазском слое навеса Замилькоба найден двусторонне обработанный топор, или тесло, типично неолитического облика.⁶

На Зуйской мезолитической стоянке найдено крупное кремневое орудие топоровидной формы, напоминающее неолитические изделия.⁷ На стоянках Яйлы в ряде мест найдены двусторонне обработанные орудия, правда небольших размеров, но по техническим приемам обработки близкие к неолиту. Чем же объяснить отсутствие в Крыму ярко выраженных макролитических форм?

¹ Устное сообщение О. Н. Бадера.

² М. Макаренко. Мариупольский могильник. Киев, 1939, стр. 112, табл. IV, 94 и 96.

³ А. Добровольский. Этюды з надпорізького неолиту. Антропологія річник кабінету антропології ім. Ф. Вовка, вып. III, 1929, стр. 166.

⁴ D. Peugny, *Éléments de préhistoire*. 1923. Ср. описание и рисунки, относящиеся к тарденуазскому возрасту (стр. 107 и сл.), с материалами робентаузенской культуры. В последней, на ряду с прекрасно обработанными плоской ретушью кремневыми орудиями, встречаются высокие трапеции (стр. 125, фиг. 63, 77). На приведенном автором экземпляре ясно заметна подтеска на спинке. Подобный тип не встречается в ранних стоянках.

⁵ R. Vaufrey. *Notes sur le Capsien*. *L'anthropologie*, v. XLIII, № 5—6, 1933.

⁶ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка „Замилькоба № 1“. Материалы по археологии СССР. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 26, табл. IX, стр. 29.

⁷ Хранится в МАЭ, коллекция № 3985.

Надо думать, что весьма подвижные охотничьи коллективы, населявшие Крым в горной и предгорной его частях, не нуждались в макролитических изделиях. Последние, как известно, связываются всего более с равнинными полуоседлыми стоянками охотников-рыболовов. Способ хозяйства у древних неолитических обитателей Крыма базировался, главным образом, на охоте и собирательстве. Эта форма хозяйства в условиях горного ландшафта вряд ли требовала изготовления крупных кремневых орудий в больших количествах. Этим, видимо, и объяснимо лишь эпизодическое появление их в стоянках Крыма.

С. Н. Бибиков

АРМЕНИЙЦЫ В ОЛЬВИИ

При раскопках в Ольвии 1905 г. найдена была фрагментированная надпись, изданная В. В. Латышевым в „Известиях Археологической комиссии“ (вып. 18, стр. 96 сл.) и затем переизданная в *IosPE* (1²35). Надпись была подвергнута тщательному объяснению сначала М. И. Ростовцевым в „Известиях Археологической комиссии“ (вып. 23, стр. 21 сл.), а затем А. Вильгельмом в журнале „Klio“ (XXIX, 1936, 500).

Надпись представляет ольвийский декрет в честь некоего уроженца (имени его не сохранилось) г. Амиса (на южном берегу Черного моря), который служил капитаном во флоте понтийского царя Мифрадата Евпатора. Этот капитан, „плывя в Синопу, постарался доставить царский провиант переселенным в Ольвию царем Мифрадатом Евпатором армян и иудеям“ (*τοῖς Ἀρμενίοις*).

В этих „армянцах“ и Ростовцев, и согласившийся с ним Латышев, и Вильгельм усматривают жителей Армении, которых мы теперь называем армянами. Спрашивается, почему Мифрадат переселял — и, как видно из остатков надписи, делал это не раз — именно армян, а не кого-либо другого из состава подданных своего обширного царства. Смущает и формальная сторона дела: в надписи говорится просто *Ἀρμένιοι*. Если бы такой термин встретился у кого-либо из писателей, особенно поздних (он и встречается, например, у Стефана Византийского), можно было бы не смущаться, так как у них *Ἀρμένιοι* всегда употребляется в этническом смысле. Но в надписи, т. е. документе, если понимать под *Ἀρμένιοι* армян, приходится понимать всех обитателей Армении; такое понимание — явный абсурд. Иное дело, если бы при *Ἀρμενίοις* в надписи было прибавлено „многих“ или было бы указано, из какого города (или городов) армяне переселяются Мифрадатом в Ольвию. Напрашивается также вопрос практического свойства: как нужно представлять себе переселение армян в Ольвию из Армении, отделенной от Ольвии не только Черным морем, но еще довольно значительным пространством суши; ведь переселенцам приходилось бы идти по местности, сплошь изрезанной горами и имеющей на своем протяжении реки и озера. Сложное и трудное путешествие предстояло бы переселенцам проделать, прежде чем они достигнут Черного моря, откуда их на судах можно было доставить в Ольвию. Одним словом, если под *Ἀρμένιοι* в ольвийской надписи понимать армян, всякого рода недоумений не оберешься.

А ларчик, оказывается, открывается просто. В упомянутом мною словаре Стефана Византийского под словом *Ἀρμενία* указывается, и совершенно правильно, „обитатели Армении“, а в другой статье, стоящей перед *Ἀρμενία* и носящей заголовок *Ἀρμήνη*, можно прочитать следующее (дано в точном переводе): „Армена, селение в Пафлагонии“ (ссылки на „Перипл“ Мениппа). Ссылается Стефан также и на „Анабасис“ Ксено-

фонта, где стоит (VI, 1, 15): „когда греки решили, что прибыло достаточное количество судов, они сами на них и плыли в течение суток, пользуясь попутным ветром и имея по левую руку Пафлагонию. На следующий день они прибыли в Синопу и бросили якорь в Армене, находящейся в Синопской области“. Помимо указанных Стефана и Ксенофонта Армена упоминается и у других античных писателей (эти упоминания приведены в RE, II, 1180; теперь на месте Армены стоит городок Аклиман).

Армена, расположенная в 8 км от Синопы, имела хорошую гавань для крупных судов. Ее отношение к Синопе может быть сопоставлено соотношением Нимфея к Пантикапею. Так как Армена входила в область большого города Синопы, то ее, Армену, выражаясь по-современному, можно было бы назвать пригородом Синопы.

Так вот, следовательно, кто были те *Ἀρμένιοι*, о которых говорится в ольвийской надписи: жители Армены, а не Армении. Такое переселение армянцев было куда проще и удобнее произвести, чем переселение армян. Упомянутый в надписи капитан посадил армянцев на суда и доставил их в Ольвию.¹

Акад. С. А. Жебелев

АНТИЧНАЯ ЧЕРЕПИЦА С КРОВЕЛЬНЫМ ОКНОМ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХЕРСОНЕСА

До последнего времени можно было думать, что в Херсонесе, как и в других античных городах северного Причерноморья, черепичные кровли на зданиях устраивались сплошные, без отверстий для доступа света и воздуха в чердачные помещения, так как раскопками нигде не было обнаружено никаких остатков приспособлений, которые могли бы служить для этой цели. В 1937 г. при раскопках, производившихся на Стрелецком полуострове (в $\frac{1}{2}$ км к западу от Херсонеса), была найдена интересная античная черепица с кровельным окном, заставляющая отказаться от вышеуказанного преждевременного вывода.

Обстоятельства находки следующие. Раскопками 1937 г. в районе Стрелецкой бухты были вскрыты остатки небольшого дома (9 × 6.50 м), разделенного внутри поперечной стеной на два помещения, из которых восточное помещение служило для жилья, а западное являлось полуподвальной кладовой, на что указывает вырубленное в скале углубление для пифосов. Дом этот погиб в огне, его стены почти сравнены со скалой, над его развалинами на искусственной насыпи возникло позднее новое сооружение.

При раскопках в строительном завале дома было обнаружено около 200 обломков черепиц, большею частью плоских (керамиды), в том числе три обломка с синопскими клеймами первой половины III в. до н. э. (по Гракову), что хронологически вполне согласуется с прочим вещественным материалом, обнаруженным в развалинах дома.

В полуподвальной кладовой дома была найдена в разбитом виде (часть кусков утрачена) оригинальная черепица (рис. 9) из плотной хорошо обожженной кирпично-красной глины с мелкопесчанистыми и известковые вкраплениями, известной как одна из разновидностей херсонесских глин.

¹ Подробный разбор ольвийской надписи печатается в материалах, издаваемых Академией Наук УССР, которые будут приложены к отчету об ольвийских раскопках.

Ширина черепицы 0.50 м, толщина 0.03 м, наиб. сохр. длина 0.40 м; боковые бортики толщиной 0.03 м возвышаются над плоскостью черепицы на 0.03 м.

Длина черепицы, повидимому, равнялась 0.66 м, как об этом можно судить по другим эллинистическим черепицам, найденным в Херсонесе и с которыми описываемая черепица имеет много общего.

Особенностью данной черепицы является наличие в ее средней части отверстия, над которым устроено полусферическое перекрытие, с полукруглым окном спереди (наиб. шир. 26.5 см, выс. 14.5 см). Последнее служило для пропуска света и воздуха. Чтобы лучше обезопасить люк от возможности проникновения дождевой воды, полукруглое переднее отверстие имеет внизу вертикальный порожек, а дугообразный край перекрытия снабжен сверху слегка выступающим бортиком.

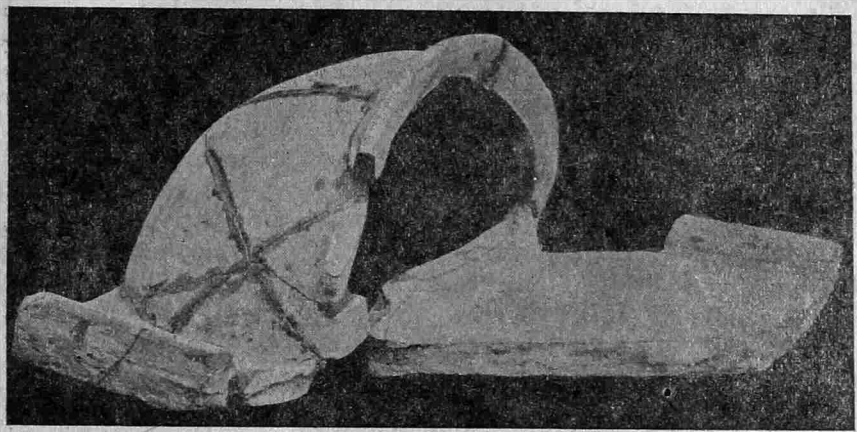


Рис. 9. Черепица с кровельным окном.

Встает вопрос, служила ли данная черепица с кровельным окном для освещения и проветривания чердака кладовой или же самой кладовой, не имевшей чердака? Раскопки не дали материала для решения этого вопроса.

Аналогичные черепицы с кровельными окнами хорошо известны по находкам в Помпеях, где они применялись для вентиляции и освещения чердачных помещений домов.¹ В северном Причерноморье эллинистическая черепица с кровельным окном, найденная в 1937 г. в окрестностях Херсонеса, является пока единственной.²

А. К. Тахтай

¹ J. Durm. Die Baukunst der Etrusker. Die Baukunst der Römer. Stuttgart, 1905, стр. 333.

² Б. В. Фармаковский, реконструируя эллинистический ольвийский дом, отмечал, что в Ольвии „при раскопках не было вовсе найдено черепиц с отверстиями для верхнего освещения“, но вместе с тем он указывал на „черепицу с отверстием для верхнего освещения из Херсонеса“ (ИАК, вып. 13, стр. 97). Черепица, на которую ссылался Б. В. Фармаковский (ИАК, вып. 16, стр. 83), в действительности является позднесредневековой; такая же черепица с надписью КУРУ, сделанной краской, имеется в Средневековом отделе Херсонесского музея (инв. № 31183).

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РАБОТЫ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1939 г.

В 1939 г. продолжались работы по комплексному археологическому изучению бассейна р. Десны в пределах Черниговской и Орловской областей.

В организации экспедиции, как и в предыдущие годы, принимали участие, кроме ИИМК, Институт археологии Академии Наук УССР, Гос. Музей антропологии Московского университета и ряд областных и районных музеев.

Работы велись шестью отрядами под общим руководством М. В. Воеводского.

Основными задачами работ текущего года были:

1) Изучение условий залегания орудий мустьерского типа у с. Чулатова и поиски остатков новых древнепалеолитических местонахождений (под руководством М. В. Воеводского и В. И. Громова).

2) Продолжение раскопок и изучение геологических условий залегания позднепалеолитических стоянок в районе с. Пушкари (под руководством П. И. Борисковского и В. И. Громова).

3) Поиски новых палеолитических поселений и обследование известных ранее стоянок в верхнем течении р. Десны (под руководством В. А. Хохловкиной).

4) Обследование и частичные раскопки памятников эпохи бронзы и железа в северной части Черниговской области (под руководством Г. В. Подгаецкого и Б. А. Рыбакова).

Произведенными небольшими раскопками на III Чулатовском местонахождении установлено, что орудия, собранные в 1938 г. на бичевнике правого берега р. Десны, вымываются рекой здесь же из песков в основании надпойменной 12-метровой террасы. Найденные в раскопе крупные отщепы мустьерского типа сопровождалась остатками фауны млекопитающих и моллюсков. Правда, материал здесь залегает во вторичном отложении, так как он снесен с более высокой террасы. Найти место стоянки будет одной из задач работ 1940 г.

Кроме орудий древнепалеолитического типа на указанном местонахождении, аналогичные находки были сделаны геологическим отрядом еще в трех пунктах близ сел. Араповичи и Пушкари. Особенно важное значение имеет находка в разрезе левой стенки оврага Язви близ сел. Пушкари. Здесь было найдено типичное мустьерское скребло во флювиогляциальных песках, прикрытых рисской мореной.

В сходных условиях, также под рисской мореной, были найдены несколько отщепов и осколков у дер. Неготино, выше г. Орджоникидзеграда Орловской обл.

Все эти находки с достаточной ясностью позволяют решить до сих пор спорный вопрос о геологическом возрасте древнего палеолита.

Судя по нашим находкам, древний палеолит должен быть датирован временем раньше рисской стадии оледенения, а мустьерская эпоха —

временем наступания рисского ледника. С этим вполне согласуются и данные условия залегания группы позднепалеолитических стоянок — I Пушкаревской (пасека), II Пушкаревской (Аникеев ров), Кравцов ров, Новгород-Северской и I Чулатовской (Крейдяный майдан).

Культурный слой этих стоянок залегает в основании толщи лессовидных суглинков, обычно на погребенной почве, развившейся на поверхности рисской морены. Большинство балок, на склонах которых располагались эти поселения, были затем выполнены суглинками и песками, отложенными в период таяния рисского ледника.

Таким образом их геологический возраст относится к росс-вюрмскому времени и началу вюрма. Археологический возраст этой группы стоянок охватывает период от конца ориньякской эпохи до начала мадлена.

К более позднему времени — к периоду вюрма и послевюрмскому времени — относятся стоянки конца позднего палеолита типа II Чулатовской (Рабочий ров) и мезолитические — типа Пушкари VII (Покровщина).

В результате изучения палеолитических стоянок Черниговской обл. в тесном контакте с геологами удалось установить геологический возраст памятников почти на всем протяжении развития палеолита.

Наши выводы получили подтверждение на происходившей в мае Киевской конференции Советской секции INQUA совместно с ИИМК и Институтом археологии, а также на экскурсии членов конференции, посетивших основные памятники.

В 1939 г. продолжались и частью закончены раскопки палеолитических стоянок — I Пушкаревской, II Пушкаревской и VII Пушкаревской (Покровщина). Наиболее интересными оказались результаты раскопок на стоянке Пушкари I. Здесь было закончено исследование основания большого коллективного жилища-полуземлянки, площадью около 50 кв. м.

На дне жилища были расположены кострища, вокруг которых находился ряд небольших ямок.

Стенки жилища были укреплены в нескольких местах вертикально вкопанными костями мамонта. Углубление оказалось заполненным, после того как жилище было покинуто, большим количеством костей мамонта, по преимуществу бивней и обломков черепов, принадлежавших (по предварительному подсчету) 67 особям. Среди костей было собрано несколько десятков тысяч кремневых осколков, пластинок и несколько сот орудий.

Орудия состоят из различных скребков, резцов, острий и наконечников дротиков, сходных с орудиями других стоянок раннесолютрейской эпохи — Гагаринской, Костенковской I, Бердыжской и др. На расстоянии 15 м от первого жилища было обнаружено второе углубление с костями мамонта и кремневыми орудиями. Материал, собранный на I Пушкаревской стоянке, представляет большой интерес, так как он раскрывает планировку значительной части поселения.

На стоянке Аникеев ров было продолжено изучение скопления костей мамонта, частично раскопанного в 1937 г. Среди костей найдено небольшое количество кремневых отщепов, орудий и углей от костра. Скопление, повидимому, являлось своего рода складом костей для топлива и изделий. Рядом со скоплением обнаружен культурный слой с большим количеством кремневых орудий и отбросов производства.

Раскопки этих стоянок предполагается продолжить в 1940 г.

В 1939 г. закончены раскопки стоянки Покровщина, площадь которой исследована полностью.

Она представляет собой небольшое временное поселение мезолитического времени. В виду залегания культурных остатков в песке, остатков фауны и костяных орудий не найдено вовсе.

Кремневый инвентарь, собранный на стоянке, очень своеобразен. Часть орудий — массивные широкие скребки и крупные нуклеобразные скребки — напоминает так наз. макролиты типа, близкого к Маглемозе. Часть инвентаря — скребки, резцы, острия и пластинки со спинкой, притупленной ретушью (вкладыши) — изготовлена из прекрасных длинных и узких заготовок. Эта группа орудий ближе всего напоминает орудия свидерской стадии. Точных аналогий для этого своеобразного комплекса пока найти не удалось.

Разведками по берегам большого оврага „Масолов ров“ открыто еще несколько новых местонахождений палеолитических и мезолитических орудий. Общее число стоянок в районе сел. Пушкари достигает 20. Таким образом этот район становится одним из крупнейших в СССР по богатству палеолитическими памятниками.

По изучению памятников эпохи неолита, бронзы и железа работы имели преимущественно рекогносцировочный характер с постановкой предварительных раскопок на нескольких памятниках.

Разведочными маршрутами был обследован правый берег р. Десны от г. Орджоникидзеграда Орловской обл. и до сел. Мезин Черниговской обл. — на протяжении свыше 400 км. Произведено обследование свыше 100 стоянок, городищ и могильников различных эпох.

Наибольший интерес представляет материал по стоянкам и селищам позднего неолита и бронзы, в пределах западной части лесостепи до настоящего времени почти не изучавшихся.

Из памятников эпохи железа много важных данных дали раскопки Пушкаревского городища, относящегося к первым векам до нашей эры. Здесь обнаружены остатки жилища и собрано большое количество костяных и металлических орудий.

М. В. Воеводский

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КОСТЕНКИ IV

Палеолитическая стоянка Костенки IV находится в с. Александровке Гремяческого района Воронежской обл., в самом устье большого Александровского лога, прорезывающего правый высокий берег Дона. Она расположена на краю террасообразного уступа, возвышающегося на 3—4 м над поймой Дона, и занимает площадь до 0,5 гектара. Культурный слой залегает на глубине 1,50 м в лессовидном делювиальном суглинке, прикрывающем аллювиальную толщу отложений первой надпойменной террасы Дона. Сверху делювиальный суглинок покрыт толщей чернозема.

Большими раскопами 1937—1938 гг. на стоянке вскрыты остатки двух больших жилищ. Они расположены рядом, почти параллельно друг другу на расстоянии 15—20 м, и принадлежат с нашей точки зрения одному поселению (рис. 10).

Остатки жилища, вскрытого в 1937 г., представляют собой углубление в лессе длиной до 34 м, шириной до 5,5 м. Общая планировка этого углубления и связанная с ней система расположения очагов тремя группами позволяют заключить, что это жилище представляло собой как бы длинный дом, состоящий из трех отделений (I, II и III на плане). На местах соединения этих отделений наблюдалось небольшое поднятие пола. Культурный же слой был одинаковым во всех отделениях западины. В полу жилища, кроме девяти очажных углублений, расположенных по длинной оси западины, встречено много более глубоких ямок. В большинстве случаев эти ямки округлы, диаметр их 20—35 см, глубина 30—40 см. Нижняя часть слоя, заполнявшего их, почти всегда

интенсивно окрашена красной охрой и содержит в большом количестве находки костей зайца. В некоторых случаях удалось проследить положение костей лап зайца в анатомическом порядке. Часто в ямках встречаются предметы, вырезанные из кости или из бивня мамонта.

В 1938 г. вскрыты остатки второго большого жилища, состоящие из трех плотно примыкающих друг к другу углублений. Одно из них (IV на плане) аналогично вышеописанному длинному жилищу как по устройству, так и по собранной в нем коллекции. Однако оно не может быть разбито на отделения, как это имело место в первом жилище. Ширина жилища 5,5 м, длина 21 м. По длинной оси его расположены девять очажных углублений. Расстояние между всеми очагами IV жилого углубления почти равные. Остатки очагов в обоих жилищах представляют собой неглубокие (8—12 см) округлые чашеобразные ямки диаметром 60—70 см, заполненные черной зольной массой, содержащей в большинстве случаев пережженные кремни.

Кроме очажных ямок в IV жилом углублении встречено много более глубоких ямок, вырытых в полу. В большинстве случаев ямки округлы. Диаметр их 20—30 см, глубина 30—35 см. Нижняя часть заполнения этих ямок, как и в первом жилище, почти всегда интенсивно окрашена красной охрой. На дне таких ямок встречались, главным образом, небольшие гальки (часто в единичных экземплярах) из кремнистых пород черного и сероватого цветов.

Иногда вместе с гальками находились костяные шилья и просверленные раковины небольшого пресноводного моллюска.

Попутно заметим, что в IV жилом углублении встречено больше сотни просверленных раковин пресноводного моллюска и много просверленных у корня зубов лисицы и песка, тогда как в первом жилом углублении найдено всего три раковины и один просверленный клык лисицы. Просверленные раковины и зубы животных попадались небольшими скоплениями. В заполнении более крупных ям, всегда окрашенных охрой, встречаются кости животных, кремневые осколки и отщепы, поделки из костей животных и т. п.

Кремневые изделия, собранные при расчистке длинных жилищ, состоят из большого числа пластинок с притупленным ретушью краем. Это самая многочисленная группа поделок из кремня. Многочисленной является и группа пластинок и отщепов с подтеской краев и концов. Количественно меньшую группу составляют скребки, среди которых много экземпляров на узких длинных пластинках. Резцы встречаются единицами. Поделки из кости представлены шильями и лоцилообразными инструментами.

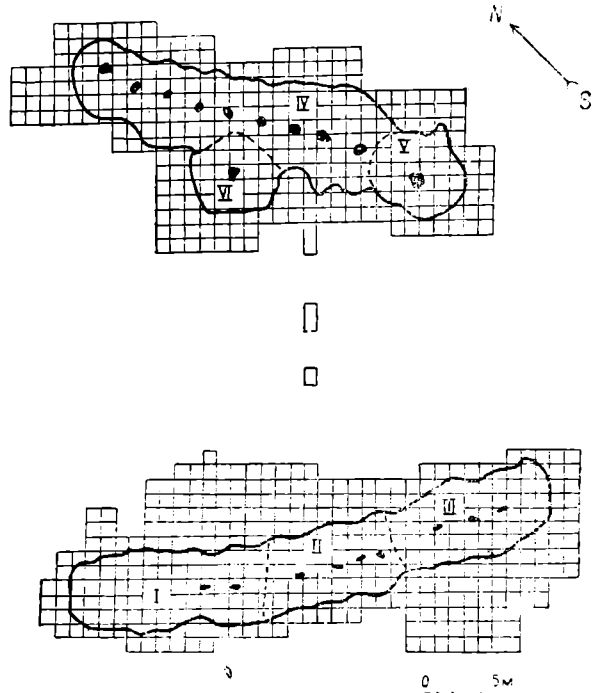


Рис. 10. Палеолитическое поселение Костенки IV (план).

Наверху раскоп 1938 г.; внизу раскоп 1937 г.

Весьма интересны примыкающие к IV длинному жилищу округлые жилые углубления (V и VI на плане). Диаметр их около 6 м. Культурный слой, заполняющий их, интенсивно окрашен и отличается от заполнения длинных жилых углублений более темным цветом. В центре обоих округлых жилищ находится по одному большому очажному углублению. Глубина их незначительна, а диаметр достигает 1 м. Вокруг очагов имеется ряд узких, но глубоких ямок, заполненных, как и очажные углубления, зольной массой. Это были, вероятно, земляные печи или пекарные ямы. Они были встречены также при раскопках стоянки Костенки I.

В центре VI жилого углубления, около очага, на полу лежали друг на друге два черепа и верхняя челюсть льва. В западном крае жилища найдена небольшая головка животного, вырезанная из мергеля. В центре V жилого углубления рядом с очагом лежали крупный камень и бивень мамонта, опирающийся на концы.

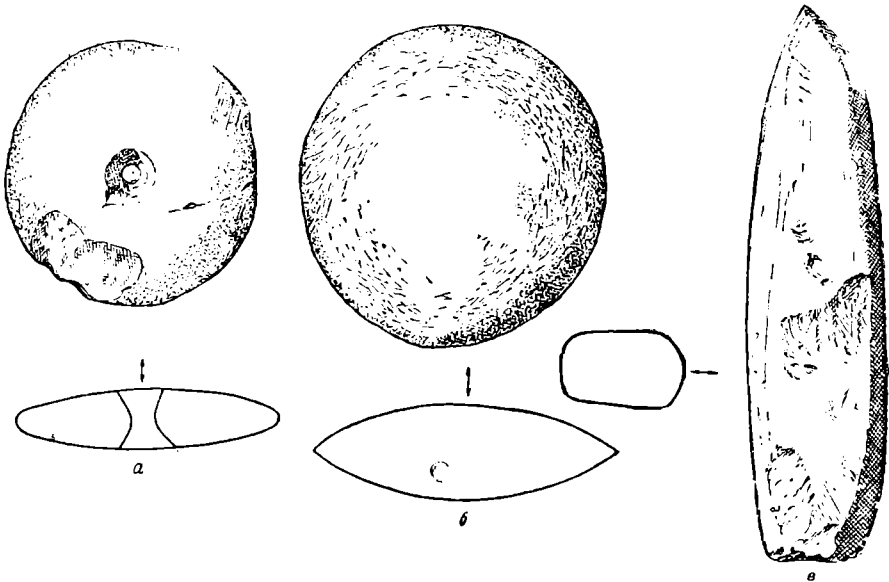


Рис. 11. Костенки IV. Шлифованные изделия из камня (неск. ум.).

Под стенами округлых жилищ встречались загадочные поделки из сланца в форме двояковыпуклых линз с острыми ребрами. Они изготовлены при помощи шлифования (рис. 11б). Величина их различна, от 3 до 8 см в диаметре. Кроме того, у края VI жилища в разных местах встречены три небольших сланцевых стержня, один из них сильно зашлифован (рис. 11в). Небольшой шлифованный стержень из сланца был найден в ямке, вырытой в полу V жилища, вместе с поделками из кости.

Кремневый инвентарь округлых жилищ отличается от описанного выше инвентаря длинных жилищ. Здесь очень мало пластинок с притупленным краем и пластинок с подтеской. Зато много резцов, главным образом, типичных срединных. Скребки, встреченные здесь, отличаются эмассивностью. Они сделаны на широких пластинках. У некоторых экземпляров основание оформлено в виде срединного резца. Найдены также двусторонне обработанные наконечники копий (2 экз.) и острия в форме лаврового листа с ретушью со стороны спинки и основанием, оформленным в виде срединного резца. Изделия из костей более многочисленны, чем в длинных жилищах. Тщательно изготовленные шилья, ложила, стержни, вырезанные из бивня мамонта, мотыгообразные орудия из осколков бивней составляют интересную коллекцию. Кроме того, най-

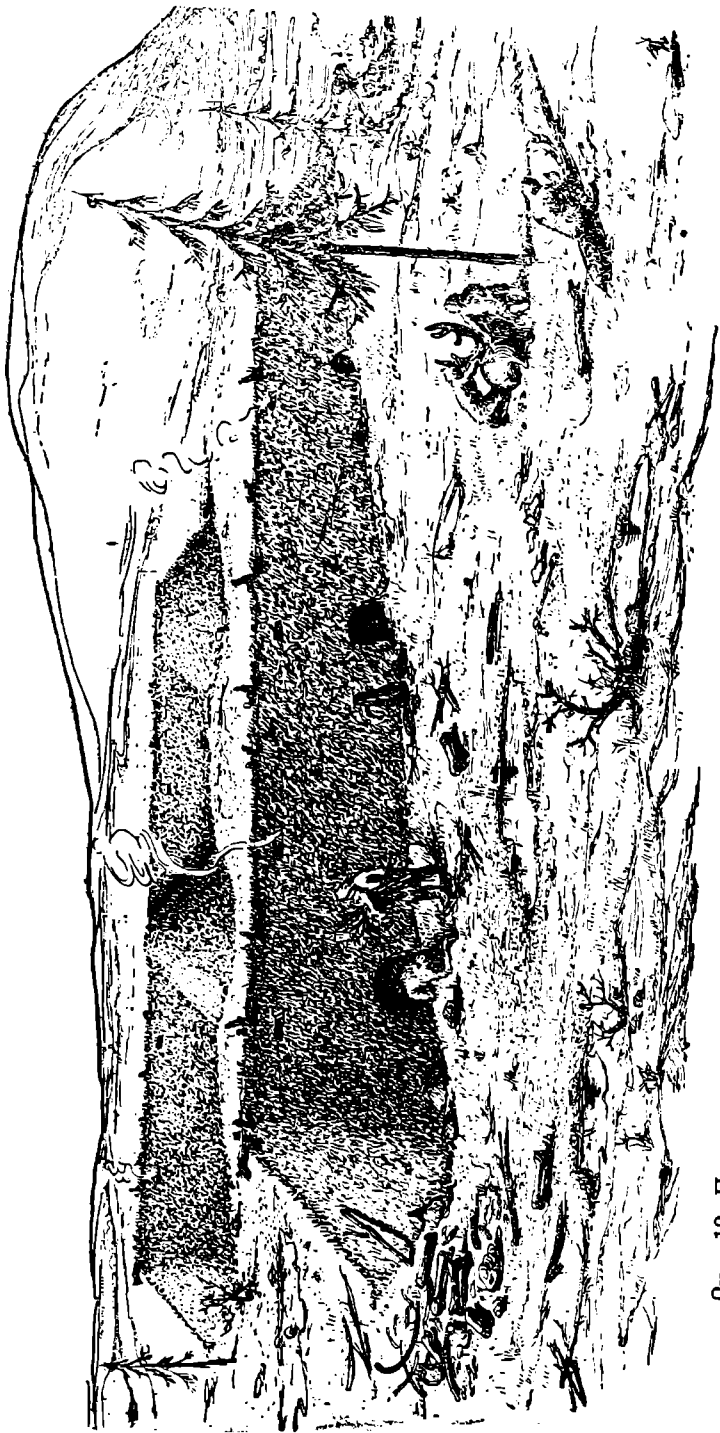


Рис. 12. Палеолитические жилища. Костенки IV. Рис. В. Д. Запорожской (опыт реконструкции).

дены загадочные изделия из мергеля в форме пряслиц с узким отверстием (рис. 11а) и много кусков мергеля со следами обработки. Различие в характере культурного слоя и инвентаря округлых и длинных жилищ, а также частичное перекрывание комплексом VI комплекса IV ставит вопрос о одновременности этих комплексов. Однако имеются наблюдения, подтверждающие одновременность их. Например, отсутствие ямок, вырытых в полу в северо-западной части V жилого углубления позволяет предположить существование непосредственной связи между длинным и округлым жилищами. Наличие вышеописанных ямок с гальками на дне и отдельно встречающиеся гальки как в длинном, так и округлом жилище сближают эти комплексы. Частичное перекрытие слоем VI жилища слоя IV жилища могло произойти в результате сползания VI жилища, расположенного несколько выше по склону.

Таким образом имеются факты, позволяющие думать, что в Костенках IV мы имеем дело со сложной системой одного поселения, построенного по единому плану.

За пределами границ жилых углублений, как правило, встречаются лишь единичные находки кремней и костей. Но в некоторых местах наблюдались скопления культурных остатков. Такое скопление имеется к северу от I жилого углубления. Оно имеет форму сильно вытянутого овала, длиной 7 м и шириной 2—3 м. Здесь, в пределах неясно выраженных границ, наблюдается слабо окрашенный слой незначительной мощности, содержащий большее количество расщепленного кремня, чем в других местах раскопа, не занятых жилыми углублениями. Аналогичный комплекс культурных остатков расположен южнее III жилого углубления. Мощный слой почти такой же, как и в других жилищах, лежит в западине. Кремневой инвентарь в обоих скоплениях совершенно тождествен инвентарю длинных жилищ. Незначительное скопление культурных остатков, по своему характеру и по составу инвентаря приближающихся к инвентарю округлых жилищ, имеется в восточном конце раскопа 1937 г. Наконец, в западном конце раскопа 1938 г., на расстоянии 2 м от IV жилого углубления, встречено скопление костей лошади, состоящее из ребер, лопаток и других костей, принадлежащих, вероятно, одной особи. Интересно отметить, что кости двух ног до коленных сочленений лежали в анатомическом порядке. Рядом с костями найдено известное по другим стоянкам изделие из рога северного оленя в форме молота и крупное рубящее орудие из камня.

Стоянка Костенки IV датируется раннемадленским временем и следует за солотрейскими стоянками Костенковско-Боршевского района. Культурный слой ее заключен в делювиальном суглинке первой надпойменной террасы Дона, в отличие от более ранних стоянок, располагающихся на более высокой террасе. Несмотря на значительное количество находок шлифованного камня (мягких пород), она древнее позднепалеолитической стоянки Боршево II. Об этом свидетельствует состав фауны, собранной в Костенках IV. В списке фауны имеются: мамонт, лошадь, северный олень, сибирский носорог, сайга и другие животные. Очень много собрано костей зайца, возможно беляка; его остатки принадлежат около 100 особям.

Раскопки поселения Костенки IV дали исключительно ценный материал для изучения культуры древнего человека, стоящего на средней ступени дикости. Наши исследования еще более подтверждают мысль о наличии у людей верхнепалеолитического времени достаточно сложных и прочных жилищ. Раскопки стоянки Костенки IV позволяют представить себе конструкцию этих жилищ (рис. 12). Большая мощность культурного слоя (20—30 см) и строгая локализация его в жилых западинах, на ряду с редкими находками кремней вокруг них, заставляет предпола-

гать прочную крышу над этими западинами. Из факта расположения очагов — строго по прямой линии в пределах вышеописанных групп — можно сделать ряд выводов о характере сооружения. Жилища, повидимому, были без стен и имели шалашевидную форму. Кровля, вероятно, была низкой и у самых краев углублений соприкасалась с землей. Как у всех длинных шалашей, кровля с обеих сторон вверху упиралась в жердь, укрепленную на столбах на развилке. Эта коньязковая жердь и близость перекрытия жилища к огню очагов и определяли место каждого очага. Над очагами в крыше были, вероятно, отверстия, как обычно во всех примитивных, отапливаемых очагом жилищах. Поскольку жилище отеплялось очагом, необходима была огнеупорность его крыши, которая, повидимому, состояла из плотно примыкающих друг к другу жердей, покрытых шкурами животных, а вероятно и землей. При такой конструкции крыши достигалась большая утепленность жилья.

А. Н. Рогачев

ОСТРОВСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БЛИЗ г. МОЛОТОВА

Вплоть до недавнего времени восточная половина Европейской части СССР была белым пятном в смысле нахождения палеолитических памятников. В 1938 г. почти одновременно были обнаружены палеолитические стоянки на Южном и Среднем Урале. Одна стоянка была найдена недалеко от г. Молотова в устье р. Чусовой, на правом ее берегу. Стоянка располагается несколько выше 58° с. ш. и, таким образом, является наиболее северным пунктом палеолитических находок вообще. В 1938 г. удалось выяснить условия залегания культурных остатков, покрытых 15-метровой толщей аллювиальных отложений. Высота залегания „кострищных“ линз, выделяющихся в толще суглинков над местным уровнем реки, не превышает 5—6 м.

В связи с техническими трудностями в 1938 г. были проведены лишь предварительные исследования, которые, однако, дали весьма интересные результаты. Было собрано несколько десятков кремней, среди которых находились орудия, кости мамонта, носорога и т. п., позволяющие вместе с геологическими данными датировать стоянку верхним палеолитом. В 1939 г. работы по раскопкам Островской стоянки приобрели более широкий размах.

Работы 1939 г. значительно уточнили вопрос о геологической стратиграфии стоянки.

Культурный слой стоянки залегает в средней части террасы, с одной стороны примыкающей к более древней террасе, а с другой (вниз по реке) подпертой сравнительно молодой террасой, постепенно переходящей в пойму. Более древняя терраса сложена, главным образом, из галечников. Замечательно, что в одном из пунктов за дер. Остров В. И. Громовым обнаружена морена, перекрывающая эти галечники. Помимо того, что это открытие дает совершенно новые данные о границе ледника, проводившейся значительно севернее, по другую сторону Камы, этим фактом удалось еще установить и возраст террас. На вскрытой площади, размером в 24 кв. м, обнаружено 8 кострищ,¹ переслоенных стерильными горизонтами речного аллювия, вокруг которых группировались находки.

¹ Скопление золы, жженных косточек и другого материала, имеющих вид тонких (до 15 см) линз неправильных очертаний, я называю кострищами для краткости и из-за отсутствия другого подходящего термина. Вероятнее же всего, что они являются выгребом из очагов, которые сооружались из плоских каменных плит, подобно очагу на стоянке Забочка.

Кострища залегают на почти ровной поверхности древней поймы. Вокруг кострищ, преимущественно с одной из сторон, располагались кости и каменные орудия, иногда довольно далеко от самого кострища. В одном лишь месте найдено крупное скопление костей над кострищем. Кремневые орудия и отщепы, встреченные на поверхности стоянки, немногочисленны. В одном пункте найдено скопление орудий и отщепов в условиях, стратиграфически соответствующих самому нижнему кострищу. Это скопление представляет собой рабочее место около большого плоского камня, на котором происходило отбивание пластин кремня. Поверхность камня покрыта выбоинами от ударов. Среди найденных орудий особенно многочисленны пластинки с притупленной спинкой. Исключительный интерес представляет одно орудие со вкладышами. Оно имеет вид костяного стержня, по обеим сторонам которого располагались пластинки. Замечательно, что вкладышами служили пластинки с притупленной спинкой. В разных пунктах на стоянке найдено несколько каменных плит. Некоторые из них использовались для обкладки очага.

Список животных, кости которых встречены на поселении, включает: мамонта, носорога, северного оленя, лошадь, косулю, песца, зайца, лемминга и др. В общем состав фауны типичен для холодного климатического режима верхнепалеолитического времени. Работы 1939 г. дали возможность установить временный, сезонный характер поселения, где не было прочных жилых сооружений. Обитатели его скорее пользовались легкими жилищами типа шалашей. Так как некоторые кострища существовали, повидимому, одновременно, можно считать, что на становище люди приходили 4—5 раз в летнее время. Выбор места для стоянки обуславливался наличием недалеко выходов древних галечников, дающих материал для орудий, кроме того пойма Чусовой, вероятно, была богата дичью, на которую охотился первобытный человек.

При обследовании в районе стоянки обнаружено новое местонахождение. С этого пункта пока имеется еще очень мало материала. Тем не менее, он вызывает еще больший интерес, чем описанная выше стоянка. Здесь найдены четыре отщепа кремнистого сланца и орудие, представляющее собой вполне законченный остроконечник с двусторонней обработкой, раннемустьерского типа. Находки эти подобраны на поверхности галечников и щебенки, которые являются промытым слоем, входящим в состав древней террасы (третьей надпойменной или второй, если первую террасу считать повышенной частью поймы). Галечники почти не передвинуты водой, а лишь спроектированы на бичевнике. Есть основание связывать находки именно с этим галечником, а не с вышележащими слоями суглинка более молодой террасы. Геологически эти находки несомненно более древние, чем раскопанная стоянка, тем не менее относить их к мустьерскому возрасту пока еще преждевременно, поскольку нам еще мало известны местные формы верхнего палеолита.

Все же мустьерский возраст находки очень вероятен.

М. В. Талицкий

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В СЕМИРЕЧЬЕ

Работа над древними памятниками Семиречья, входящего в состав Казахской и Киргизской республик, в 1939 г. являлась продолжением археологической разведки и стационарной работы в этом районе, начатой в 1936 г. Основной задачей экспедиций был учет памятников старины, их датировка и составление археологической карты района. Работы проводились в долинах рек Таласа, Чу и Или. По долине р. Или

была проведена рекогносцировка в связи с вопросами исторической топографии памятников. Учитывая, что раскопки г. Тараза в 1936 и 1938 гг. дали возможность выяснить пути формирования феодальных поселений, кампания 1939 г. обратила наибольшее внимание на памятники, характеризующие эпоху ранних кочевников III в. до н. э. — II в. н. э. (Берккаринский и Кеякольский могильники).

I. Археологические исследования в Казахстане

(ИИМК и КФАН)

Археологические работы в Казахстане в 1939 г. проводились в двух областях Казахстана — в Жамбульской и Алма-Атинской. В первой, Жамбульской, были закончены работы по исследованию Берккаринского могильника III в. до н. э. и II в. н. э. в районе оз. Бийли-куль, где были раскопаны цепочки курганов малых и средних размеров, — всего 31 курган.¹ Эти курганы, как правило, принадлежали женским погребениям (средние курганы) и детям (малые курганы). Во время раскопок курганов обнаружено большое количество сосудов — круглодонные чайникообразных форм, сосуды с петельками для подвешивания к седлу, плоские мисочки и т. д. — приспособленных для кочевого быта, кроме того в курганах найдены железные односторонние ножи, прясла от веретен, поделки из бронзы и золота. Среди украшений, найденных в погребениях, выделяется спиралевидная золотая серьга с подвеской в виде луны, нашивки на одежду в виде штампованных и вырезных пластинок и т. п. Особенно следует отметить находку бронзовой поясной бляхи с изображением головы льва, держащего в пасти птицу, голова которой является крючком застежки. Пряжка представляет интереснейший в историческом отношении предмет, своим происхождением связанный с традицией скифского искусства.

Большой интерес имеет обособленная группа курганов с захоронениями воинов. В этих курганах были найдены трехгранные с черенком железные и костяные стрелы, эфес кинжала, нефритовая чашечка, видимо китайской работы, и разнообразный набор украшений. Крупные богатые курганы, принадлежащие знати, грабились еще в древности и дают поэтому весьма скудный материал. Любопытен факт нахождения в кургане этого типа керамики и осколков металлического зеркала, явно не местного происхождения.

Изучение Берккаринского могильника дало много материала для освещения истории древних кочевых племен. По собранным материалам можно проследить особо выдающееся положение знати и воинов. Подчиненное место принадлежало женщинам и детям. Особое место занимали рабы. Раскопки подтверждают космогонические представления кочевников — поклонение луне, солнцу, звездам и кометам. Эти представления отражены в многочисленных и характерных выкладках из камней (иногда специально подбирался кварц) вокруг курганов.

Кроме изучения могильника экспедиция провела исследование стоянки кочевников, оставивших эти курганы (Джюма бай-тепе, на правом берегу р. Асса). Здесь обнаружена керамика, идентичная той, которая находится в погребениях. В этом же районе по р. Асса зарегистрированы и изучены два поселения мусульманского типа. Удалось установить, что жители этих поселений, вероятно VIII—IX вв., грабили древние курганы кочевников. Около одного из исследованных Берккаринских курганов найдены следы кострища с керамикой и чираком (лампой), идентичными керамике мусульманских поселений, явно оставленными грабителями кургана.

¹ См. наш отчет о работах 1936—1938 г. ВДИ, 4 (9), 1939.

По окончании работ на могильнике экспедиция провела разведку в Алма-Атинской области. Пользуясь китайскими письменными источниками по истории кочевых народов области и свидетельствами Вильгельма Рубрука, проезжавшего этот район осенью 1253 г., мы пытались обнаружить здесь памятники, подтверждающие письменные указания. Исследования показали, прежде всего, весьма характерную картину расселения древних народов. Оседлое земледельческое население, в основной своей массе происходившее из местной, тюркской, среды и частично из переселенцев-иранцев, не освоило в VII—XIV вв. богатую водой р. Или. Причин к этому было много; во-первых, при наличии большого количества мелких горных речек (Талгар, Иссык, Тургень, Чилик и т. д.), которые легче осваивать для земледелия, незачем было вкладывать много труда для вывода воды из р. Или; во-вторых, для того чтобы вывести ее на сравнительно высокие участки предгорий Заилийского Алатау, головы арыков следовало бы сооружать далеко от самих поселений, что было почти невозможно, так как вокруг земледельческих поселений кочевали скотоводы-тюрки, господствовавшие здесь с VI в. Вот почему на восток от Алма-Ата земледельческие поселения, особенно XI—XII вв., расположены по речкам Талгар, Иссык, Тургень, Чилик и далее на юго-восток и юг, к верховьям Чарына, Кегень и т. д., отходя от р. Или. В Илийской долине того времени основное положение занимали скотоводы-тюрки, для животноводческого хозяйства которых были прекрасные условия. Их курганы, которые ставились обычно на местах зимовок огромными группами, в сотни и даже тысячи единиц, расположены по левому берегу р. Или. Раскопки этих курганов показали, что они относятся к VI—VIII вв. В это время долину р. Или занимали племена Дулу западнотюркского каганата.

Безраздельно господствовали кочевники и по правому берегу р. Или, на отрезке территории между современными поселениями от Коктала до Басчий (у Алтын-Эмельского перевала).

Великолепным местом для земледельческого поселения древних народов была долина р. Коксу и Каратала в районе современного Талды-кургана. Здесь, в местечке Дунгене Каратальского района экспедиция обнаружила развалины большого города Кыялык (Койлак), который посетил в ноябре 1253 г. Вильгельм Рубрук.

После переправы через р. Или он останавливался в городе, населенном персами, который назывался Эквиус. Развалины этого города были обнаружены экспедицией на правом берегу р. Или около поселка Чингильды. Оставшаяся квадратная крепость с небольшой цитаделью, водопроводные трубы, керамика, найденная экспедицией, все эти данные, свидетельствующие об иранском населении древнего городища, не оставляют сомнений в том, что это и есть развалины города Эквиус. Об этом говорит и сообщение Рубрука о том, что от Эквиуса до Кыялыка он проехал в одни сутки. Следует учесть, что он пользовался монгольской почтой, суточный перегон которой равен 150—200 км — расстояние, разделяющее городище у с. Чингильды (Эквиус) и пос. Дунгене (Кыялык). Между городами Эквиус и Кыялык дорога шла по долине рек Малой и Большой Биже, по которой стояли караван-сарай. Они непрерывной цепью тянулись и вдоль отрогов Джунгарского Алатау в направлении к озеру Ала-куль. Их развалины заметны у Кызыл Тогана на Биже, на Каратале у Талды-кургана, на р. Кызыл Агач у Копала. На этой древней дороге и вырос большой город-столица кочевников-карлуков — город Кыялык-Койлык. На древнем городище Койлык были произведены археологические раскопки разведочного порядка. Небольшой шурф, заложенный экспедицией (60 кв. м) дал весьма интересный в археологическом отношении материал. Монеты XI—XII вв.,

иранская керамика с клеймами мастеров, тамги на сосудах, изделия из кости китайской работы, остатки разрушенных строений и т. п. наглядно показали, что развалины принадлежат крупному древнему центру. Исключительно выгодное положение города, в прекрасно орошенной долине, на торговых путях в Восточный Туркестан, вполне оправдывает восхищение Рубрука, когда он попал в эту долину после утомительного переезда через сравнительно пустынную долину р. Или.

Археологическая разведка 1939 г. по Алма-Атинской области выяснила, в общих чертах, древнее заселение края. Она вскрыла основные культурные центры этого района и некоторые типические черты культуры Илийской долины.

Среди этих типических черт отметим: отсутствие поливы в „мусульманских“ слоях городищ, бедность форм и орнамента керамики, городища без цитаделей и подчинение топографии поселений караванным путям.

II. Археологические исследования в долине р. Талас (ИИМК и Эрмитаж)

В конце июля нами была проведена небольшая поездка в верховья р. Талас (Таласский район, КирССР) с целью произвести раскопки курганов с катакомбами, частично изученных еще в 1938 г.

Во время этой поездки были вскрыты 8 курганов, семь из которых оказались с катакомбами, давшими исключительно интересный материал по истории кочевников первых веков нашей эры. Катакомбы находились под курганными насыпями, на глубине до 3.5 м (от верхушки кургана). В насыпи, как правило, был один сосуд, либо чрезвычайно грубой работы ручной лепки, плохого теста и обжига, либо, наоборот, весьма хорошей работы (видимо согдийской), иногда лощеный и с орнаментом. Катакомбы были вырублены в лессовом грунте инструментом, весьма похожим на современный киргизский чот. Следы вырубки весьма ясно прослеживаются по стенам катакомбы. В катакомбу вел вырубленный в лессе, с легким понижением пола, коридор. Вход в катакомбу закрыт каменной плитой. В катакомбах были обнаружены захоронения, обычно парные, иногда с детьми. Общая сохранность материала в катакомбах хорошая, несмотря на то, что все содержимое катакомбы переворошено грызунами. Обнаруженные скелеты принадлежали в расовом отношении метисам, некоторые сохранили явные монголоидные черты. Все черепа в катакомбах были искусственно деформированы, в том числе и детские. В одном случае вход в катакомбу преграждали два костяка, без инвентаря, лежавшие на грубом хворостяном помосте с одним сосудом. В самой катакомбе лежали два монголоидных костяка с деформированными черепами, костяки у входа принадлежали европеоидам, видимо, рабам из местного населения памиро-ферганской расы.

Богатый коллекционный материал из катакомб представлен, главным образом, изделиями из дерева. Сюда относятся чаши и кубки из дерева. Часть из них имеет следы починки медной проволокой и медные заплатки, укрепляющие трещины сосудов.

Во многих катакомбах найдены деревянные столики на четырех ножках для изготовления пищи из муки. В двух катакомбах были обнаружены части детских колыбелей, аналогичных киргизским „пешик бала“. В одной катакомбе находилось ложе из арчевых досок с укрепленными на всех четырех сторонах брусками, образующими род бортика. Почти во всех вскрытых катакомбах погребены мужчины-воины, рядом с которыми были найдены предметы вооружения — деревянные стрелы с железными трехгранными, втульчатыми наконечниками скифского типа, костяные черенковые крупные стрелы, костяные обкладки сложно-составного лука

и т. п. Около женщин, помимо деревянной посуды, были плетеные из лыка корзинки, посуда из глины двух типов: сравнительно приземистые сосуды с широкой горловиной для варки пищи и высокие с ручкой для воды. Характерно, что инвентарь катакомб повторяется, подчеркивая как бы некоторое единство в имущественном отношении исследованных катакомб.

Чрезвычайно ценной находкой оказалась одна катакомба, в которой, благодаря слабой влажности и отсутствию доступа воздуха, мумифицировались трупы и хорошо сохранилась ткань одежды.

На арчевом помосте из досок, стоявшем на камнях, лежали два покойника. Доски были покрыты сеном. Один из покойников был мужчина. Он лежал на спине, голова была слегка повернута на север (направление костяков с востока на запад). Около левой руки лежала палка-посох. На костяке прекрасно сохранился кожный покров части лица. Из одежды хорошо сохранились шелковая просторная рубаха, хуже кожаные штаны и кожаные мягкие сапоги типа среднеазиатских чарыков. Под головой мужчины было сделано изголовье из тростника. Рядом с ним лежала женщина, также частично мумифицированная. На голове ее была повязка из красного шелка, лицо, включая глаза, было закрыто шелковым куском материи, завязанным на затылке. Одета она была в халат из шелка с завязками на груди. На шее мелкие бусы с медной небольшой пряжкой. На ногах были также кожаные штаны и чарыки. Рядом с погребением женщины в небольшой нише, сделанной в стенке катакомбы, стоял деревянный кубок с ручкой. У головы, на полу, стояли: деревянная чаша с остатками пищи и глиняный кувшин для воды, у ног — глиняный сосуд для варки пищи, в котором лежали тыквенный футляр, употребляемый ныне для насоя (табак для жевания), и веретено с каменным пряслищем. У головы и ног стояли светильники из слабо обожженной глины. Шелковая ткань одежды мужчины и женщины прекрасно сохранилась. Шелк китайской работы ханьского времени (II в. до н. э. — II в. н. э.).

Следует вспомнить, что находок тканей этого времени (включая фрагменты) известно в мире четыре (Восточный Туркестан, Монголия, Забайкалье, Минусинский край), а находки одежды только одна (в Монголии, могильник Ноин-ула). Таким образом открытая катакомба дает пятую находку шелка ханьского времени и вторую находку одежды. Покрой одежды, орнаментированные вышивкой рукава одежды находят себе аналогии в знаменитых Ноинулинских курганах. Благодаря этим находкам, мы имеем первые данные об одежде кочевников Средней Азии, о чем можно было судить до наших находок лишь по аналогиям и отдельным догадкам, так как в самой Средней Азии одежды хорошей сохранности до сих пор не было найдено.

Весьма ценной является обнаруженная целая серия предметов, которые также для этого времени являются первыми, например, детская колыбель, посуда из дерева и т. п., находящие себе аналогии в этнографическом материале местных тюркских народов. Находки прекрасно сохранившихся обкладок лука и стрелы позволяют реконструировать тип вооружения, причем ряд догадок о типе лука и длине стрелы получает свое документальное подтверждение.

Работы 1939 г. над Кенкольским могильником дали блестящий материал по истории кочевников рубежа нашей эры, повидимому гуннов. Историческое значение могильника и открытых катакомб весьма важно для истории Средней Азии, этногенеза ее современного населения и, в частности, ее тюркоязычных народов, так как в могильнике представлен наиболее древний средне-азиатский монголоидный тип. Культура катакомб теснейшим образом связана с культурой современного тюркоязычного населения Средней Азии.

III. Археологические исследования в Киргизии

(ИИМК и Комитет Наук при СНК КирССР)

В 1939 г. в Киргизии, в Чуйской долине, продолжались исследования 1938 г. и кроме того были дополнительно охвачены долины рек Малого и Большого Кемина. На городищах у с. Красная Речка и на городище Ак-Пешин, обследованных в 1938 г., были произведены раскопные работы, проводившиеся, главным образом, на городище Красная Речка. Раскопками были охвачены холмы и постройки вне стен городища. Три раскопа были заложены в разных частях самого поселения. Раскопки холмов дали в одном случае весьма интересную постройку — согдийский замок из восьми комнат в виде вытянутых прямоугольников. Замок был брошен, повидимому, в связи с переселением его обитателей в другое место, поэтому в развалинах его не осталось бытового инвентаря. Раскопанный замок является типичным „кешком“, домом-крепостью большой семьи эпохи рабовладельческих отношений в Семиречье. Покинутый замок был использован (вероятно в VI—VII вв.) как кладбище, вначале зороастрийское, затем мусульманское. От первого остались погребения в оссуариях — хумы с крышками, имеющими резной орнамент. К тому же времени, возможно, относятся тюргешские монеты и золотой брактрат с изображением головы человека. От мусульманского кладбища сохранились грунтовые могилы караханидского времени. Покойники, обычно, обнаруживались без всякого инвентаря. Аналогичная картина оказалась и на другом тепе, где в некоторых захоронениях было найдено большое количество украшений, — изделия из металла и много бус.

Раскопки третьего тепе обнаружили постройку с фресковой росписью по штукатурке, но по техническим причинам дальнейший раскоп был прекращен. Последний раскоп за пределами городища вскрыл постройку мусульманского времени, четырехугольную в плане, с большим количеством бытового инвентаря XI—XII вв., среди которого наибольшее внимание привлекает венчик хума с надписью, выполненной согдийским шрифтом.

Три раскопа на городище вскрыли жилые комплексы.

Один раскоп обнаружил сырцовую постройку с кирпичным полом, штукатурными стенами, с резным, со следами росписи, штукатуром. Среди находок весьма любопытна ручка сосуда с изображением человеческой фигуры буддийского типа. На другом раскопе была вскрыта часть жилого комплекса с хозяйственными ямами. Раскоп был поставлен со стратиграфическими целями и вскрыл 4 последовательных слоя, причем наиболее важный, согдийский, дал весьма интересную керамику античных форм.

Последний раскоп обнаружил также жилой комплекс из сырца. Стены помещений украшены резьбой и раскраской по сырцовому фону, типа панелей из Самарры (Иран, столица аббасидских халифов). Мотив резьбы растительный (лоза и лист), роспись — геометрическая. Богатый материал, собранный во время раскопок на городище, наглядно представляет культуру городища с V—XII вв. н. э.

Раскопки на городище Ак-Пешин, как и в 1938 г., имели чисто разведочный характер и были сосредоточены в той части городища, где предполагается „киданьский“ квартал города. Шурфы подтвердили первоначальное предположение: обнаружена черепица китайского типа, налеты на черепицу с растительным орнаментом, своеобразная керамика, отличная по форме от известных образцов среднеазиатской керамики и имеющая аналогии с керамикой Харахото. Несомненно, что примыкающая к городищу территория с юго-востока является киданьской частью города Беласагуна, причем в отдельных местах этого города намечаются весьма ясно контуры построек городского типа.

В 1939 г. экспедиция закончила нанесение на карту поселений городского типа по Чу. Зарегистрированы каменные бабы в районе Малого Кемина; в долине Большого Кемина (около с. Новороссийска и на правом берегу р. Чон-Кемина, около ущелья Тар-су) открыты два городища с весьма слабым культурным слоем. Городища, особенно правобережное, прекрасно укреплены валом с башнями (длина сторон вала до 1 км). Положение городищ и характерный культурный слой дают основание предполагать, что это городища древнего Суяба, который, по показаниям исторических источников, состоял из двух частей: Сагура и Кубала. Находящийся между Беласагуном и Суябом город Невакет отождествлен с развалинами в с. Орловка, Чуйского района.

В ущелье Чон-Кемин обнаружен могильник тюркского времени (VI—VIII вв.). Около курганов и могил сохранились ряды балбалов. Особый интерес представляют изваяния, имеющие явно не тюркский тип — европеоидное лицо с большой окладистой бородой.

Таким образом работы 1939 г. завершили общее археологическое описание Чуйской долины, заложили основы стационарным работам на городищах Красной Речки (г. Сарыг) и Ак-Пешина (г. Беласагун), а также подготовили почву для исследования весьма интересного для Средней Азии тюркского могильника VI—VIII вв.

Работы в Киргизии выявили наиболее ранний для Семиречья тип поселений, соответствующий эпохе рабовладельческого строя, когда еще не было городов, а согдийские колонии представляли собой совокупность отдельных укрепленных „вилл“. Этот тип поселения, сменный затем городом с арком, шахристаном и рабадом, наглядно выявлен раскопками городища Красная Речка. Классический тип средневекового города представлен городищем Ак-Пешин, отождествляемым нами вслед за В. В. Бартольдом со столицей караханидов, а затем киданей в XI—XII вв. н. э.

А. Н. Бернштам

ЗАРАФШАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1939 г.

Весной 1939 г. ИИМК и Государственный Эрмитаж провели в Узбекистане, в долине р. Зарафшан, совместную археологическую экспедицию. В составе ее работали две партии — одна в Пейкенде, развалины которого находятся в Бухарской области в 9—10 км от ст. Якатут Ашхабадской ж. д., в песчаной пустыне, другая — в Тали-барзу в 6 км на юг от Самарканда.

Пейкенд в настоящее время представляет значительное городище, в огромной части засыпанное песком. Оно находится в 3,5 км от колхоза Янги Маданият, на небольшой каменной возвышенности (кыр), окруженной песчаной степью.

Пейкенд в 1913—1914 гг. был уже обследован Л. А. Зимним, который в 1913 г. дал первое, однако неполное и не совсем ясное описание городища,¹ а в 1914 г. провел довольно большие раскопки со вскрытием верхних слоев, относящихся к караханидскому (XI в.) и саманидскому (X в.) времени.

В задачу пейкендской партии нашей экспедиции 1939 г. входило: 1) вновь провести археологическую разведку с тем, чтобы подготовить в Пейкенде большие раскопочные работы, поскольку городище это представляет исключительный интерес для истории дофеодалного и ранне-

¹ Л. А. Зимн. Развалины Пейкенда. Прот. Туркест. кружка любит. археол., вып. 19, отд. отт., Ташкент, 1915.

феодалного города, существовавшего с глубокой древности вплоть до XII в.¹ В настоящее время основная часть города, лежащая на крысе и окруженная в древности крепкими стенами, от которых сохранились в некоторых местах развалины, представляет собой площадь в 20 гектаров. В целом — это шахристан Пейкенда, т. е. его древняя и центральная часть. В северо-восточной части шахристана сохранились остатки кухендиза (цитадели). Кухендиз выгнут с ЮЗ на СВ и равен по площади 1 гектару. Длина остатков стены шахристана равна 2 км, а не 678 саженям, как это дано у Л. А. Зимина.² Как и кухендиз, шахристан вытянут с ЮЗ на СВ.

Шахристан внутренней стеной разделен на две „половины“, более древнюю, восточную — шахристан I и более позднюю, западную — шахристан II. В восточной „половине“ стен почти не сохранилось, однако, в западной „половине“ они хорошо видны и местами весьма выразительны.

В шахристане II сохранились не только остатки стен, но и остатки десяти башен. Как стены, так и башни заключают в себе следы значительных перестроек. Выложенные первоначально из сырцового кирпича башни впоследствии были покрыты толстым слоем глинобитных блоков, отчего они значительно увеличились в своих размерах. В шахристане видны следы ворот по северной, южной и западной сторонам. Особенно четко видны следы в точках, где внутренняя стена, разделяющая город на две „половины“, соединяется с северной и южной стенами. Характерно, что только план и топография городища помогают понять несколько странное сообщение ал-Мадаини,³ что арабский полководец Убейдуллах ибн-Зияд в 674 г. смог взять лишь половину Пейкенда. Теперь ясно, что этой „половиной“ была западная часть, отделенная от восточной внутренней стеной. Самый факт упоминания „половин“ города говорит о существовании шахристана II еще в доисламское время.

В. А. Шишкиным выполнен план и ближайших окрестностей городища. Эта работа со всей очевидностью показала, что с трех сторон шахристана — западной, южной и восточной — находятся остатки культурной жизни и строений, которые теснейшим образом были связаны с жизнью центрального городища.

По всей вероятности территория рабада сложилась в месте, где находились упоминаемые ал-Макдиси и Нершахи, наиболее близкие к шахристану рабаты, причем первый говорит о 1000⁴ пейкендских рабатов, а второй только о большом их количестве. По словам Нершахи в рабатах этих собирались зимой люди из соседних селений для войны с неверными, т. е. кочевниками-тюрьками. Постоянным жителям этих рабатов каждое селение отправляло нужное им содержание. Рабаты, стоявшие ближе всего к шахристану, как показал анализ топографических остатков, играли в мирное время роль караван-сараев, а в военное могли быть обращены в опорные пункты, где сходились ополчения из селений для борьбы с кочевниками.

Поверхность Пейкендского городища буквально забита черепками, среди которых явно преобладают неполивные. Характерная черта череп-

¹ Как крепость он существовал и в XV в., см. ниже.

² План, сделанный Л. А. Зиминим, выполнен, повидимому, по памяти и весьма мало отражает действительное состояние городища, отчего не имеет научного значения и ссылаться на него нельзя. Участниками экспедиции 1939 г. В. А. Шишкиным и М. М. Дьяконовым была сделана тщательная глазомерная съемка городища, в результате которой мы имеем в настоящее время хороший план, помогающий разобраться в основных вопросах исторической топографии Пейкенда.

³ Находится у Табаря (изд. de Goeje, II, 169).

⁴ BGA, III, 281 — Нершахи, изд. Schefer'a, 16. Цифра во много раз преувеличена.

ков — наличие в их орнаментике пережитков сасанидского стиля. Черепки, находимые на поверхности, в основном относятся к VIII—X вв., хотя встречаются, правда редко, экземпляры более раннего, а также более позднего тимуровского и тимуридского времени (XIV—XV вв.). Повидимому, в Пейкенде широкой популярностью пользовалась орнаментированная в технике штампа и резьбы неполивная посуда.

На поверхности находится особенно много хорошо орнаментированных круглых крышек от низких цилиндрических сосудов. Наличие пережитков сасанидского стиля характерна также и для поливных пейкендских черепков VIII—IX вв., а быть может даже X в. Исключение составляет керамика, которая очень близка к „афрасиабскому“ типу.

В Пейкенде были заложены два шурфа и проведена расчистка гончарной мастерской.

Шурф № 1 был заложен на площади размером 4 × 4 м в шахристане I, на восток от раскопа 1914 г. На глубине 3.5 м раскоп пришлось прекратить, так как рабочие натолкнулись на материковую скалу. Культурные остатки из шурфа, если не считать бросовой керамики, которой была утрамбована поверхность раскопанной площадки, среди других предметов дают на глубине 1.7 м медную монету сасанидского круга с изображением головы,¹ т. е. материал, относящийся к сасанидскому времени, к сожалению более точно не определяемый, так как на монете в сохранившемся виде нет имени, а самый тип монет в науке еще не выяснен ни в смысле места, ни точной даты.

Второй шурф заложен был в цитадели (кухендизе). Культурный слой здесь мощный и нужно пройти ряд сложных и запутанных строительных комплексов, чтобы достичь материка. Характерно, что в верхнем слое было найдено некоторое количество тимуридских черепков (XV в.); это заставляет предположить, что в XV в. на развалинах Пейкенда была устроена крепость. Шурф в кухендизе, вследствие недостатка времени, до материка довести не удалось. Богатый материал раскопок относится, главным образом, к технике строительного дела и послужит предметом специального описания.

Весьма интересной оказалась расчистка гончарной печи, следы которой были обнаружены по южной стене шахристана I. Керамика, найденная в верхнем слое, должна быть отнесена к X в., поскольку здесь же были обнаружены две саманидские монеты, одна Насра II (914—943), чеканенная в Бухаре, другая Абд-ал-Мелика 347 г. х. = 958/59 г. н. э. Среди находок имелись предметы с ярко выраженными пережиточными чертами сасанидского стиля, относящиеся, повидимому, к VIII—IX вв. и попавшие наверх случайно. Так же, как и в шурфе № 1, расчистка гончарной печи дала несколько фигурных изображений животных. Для изучения техники гончарного производства в Пейкенде X в. расчистка печи дала весьма интересный материал. Под слоем „гончарной печи“ М. М. Дьяконовым был обнаружен жилой комплекс в виде небольшого двора с тондыром (печь для выпечки лепешек), корытцем, сложенным из жженого кирпича, и другими остатками. Комплекс, повидимому, относится, судя по монете ас-Саффаха, чеканенной в Куфе в 133 г. х. = 750/51 г. н. э. и найденной на глубине 75 см, чуть ниже горизонта „жилого комплекса“, ко второй половине VIII в. Выше отмечалось, что особенностью пейкендской керамики VIII—IX вв. является наличие в ее орнаментике и фигурных изображениях животных пережитков сасанидского стиля. Посуда с прекрасной темнозеленой поливой, покрывающей орнамент, выполненный штампом или резьбой, в этом отношении

¹ Этот тип монет, повидимому, согдийского происхождения и старше известных уже в науке согдийских монет китайского образца с квадратным отверстием посередине.

особенно характерна. Керамика этого типа (пережитки сасанидского стиля) не изучена, а между тем ее наиболее ранние экземпляры дадут возможность изучить виды керамики, существовавшей между домусульманским временем (VII в.) и временем Саманидов (X в.). Несколько особняком стоит вопрос о керамике „афрасиабского типа“ X в., которой на городище встречается мало.

В Пейкенде на поверхности и отчасти в раскопках найдено около 140 цельных медных монет и несколько серебряных. Найденные на поверхности, только что очищенные, но еще не до конца определенные монеты делятся А. А. Быковым на следующие группы: 1) кушанские медные монеты I и II вв. н. э.; 2) монеты, повидимому, согдийские, сасанидского круга с изображением жертвенника с одной стороны и головы с другой — с характерной для них вдавленной поверхностью; 3) монеты согдийские, поздние, по форме китайские (в середине монеты четырехугольное отверстие), одна из них с именем Тархуна; 4) монеты саманидские (X в.), медные, количественно самая большая группа; 5) монеты илек-ханов, их очень немного; 6) тимуридские монеты, несколько штук; 7) монеты бухарские XIX в., случайные, несколько штук.

Статистически монеты как бы подчеркивают наибольший расцвет города при Саманидах и упадок при Караханидах (илек-ханах).

Наличие кушанских монет I—II вв. говорит о существовании Пейкенда как торгового центра уже в это время.

Вторая партия (руководитель зам. начальника экспедиции Г. В. Григорьев), как указано было выше, работала на городище Тали-барзу, в 6 км южнее Самарканда, в самом сердце древнего Согда, в районе, о котором арабские географы писали, как о месте, где сосредоточены были наиболее богатые и влиятельные владения и укрепленные замки декханской аристократии. К этому району и относится богатое Маймургское владение с городом Ривдадом, владетель которого в V и VI вв. был соперником самаркандского ихшида (царя). В Тали-барзу археологические работы производились в 1936, 1937 и 1938 гг. под руководством Г. В. Григорьева на средства Самаркандского музея и продолжены в 1939 г. Тали-барзу представляет собой городище типа каре, равное по площади в настоящее время 5 гектарам. В древности площадь укрепленного поселения была значительно больше. Центральный холм городища возвышается над окружающей местностью на 18 м. Само городище представляет сложный комплекс построек, относящихся к разному времени. В течение трехлетних работ Г. В. Григорьевым установлено было шесть культурных слоев на Тали-барзу:

- I слой — первая половина первого тысячелетия до н. э.,
- II слой — V—IV вв. до н. э. („ахеменидский период“),
- III слой — III—II вв. до н. э. („эллинистический период“),
- IV слой — I в. до н. э. — II в. н. э. („кушанский период“),
- V слой — V—VII вв. н. э. („позднесасанидский период“),
- VI слой — конец VII и начало VIII в. н. э.

В 1939 г. было заложено пять раскопов и проведена расчистка оснований башен, давших большой и интересный материал.

В основном подтвердилась правильность установления вышеуказанных слоев. Во всех случаях в том же порядке встречались характерные для каждого культурного слоя памятники материальной культуры и искусства. Среди выдающихся предметов в раскопе № 26 (руководитель А. Я. Борисов) найден фрагмент хума с изображением Гопат-шаха — быка с лицом человека — памятник, вызвавший к себе большое внимание и ставший немедленно предметом специальной статьи К. В. Тревер на тему: „Гопат-шах — пастух-царь“.

В раскопе № 2г (руководитель А. М. Беленицкий) обнаружены прекрасные головки эллинистического типа на подручках сосудов. Вообще же в Тали-барзу в вышеуказанных раскопках весьма интересны глиняные сасанидские сосуды с вдавленными гранатами, большие фрагменты этих сосудов, согдийские монеты VII—VIII вв. и другие предметы.

Особое место занимают 29 серебряных кушанских монет без надписей, с изображением головы на одной стороне и стрелка из лука на другой. Монеты все одного выпуска и найдены были на Тали-барзу одним из местных колхозников.

Заложен был раскоп и на городище Кафыр-кала, лежащем в 5 км на юг от Тали-барзу в квартале гончаров, на восточном берегу Илян-сая. Здесь сразу же был обнаружен сасанидский материал. Среди находок мы имеем сосуды или фрагменты сосудов с отпечатками гранатов и следами слюды на поверхности, терракотовые человеческие фигурки, фигурки животных, рельефное изображение человеческой головы на глиняной пластинке и другие предметы, из которых многие носят следы ярко выраженного сасанидского стиля.

А. Ю. Якубовский

ЭКСПЕДИЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛЬШОГО ФЕРГАНСКОГО КАНАЛА им. И. В. СТАЛИНА

Во второй половине 1939 г. в Узбекистане осуществлялось сооружение Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина (БФК). Создание этого ирригационного гиганта, имеющего протяжение до 270 км при 18 000 000 м³ земляных выемок, не могло не сопровождаться обнаружением большого числа памятников материальной культуры прошлого в издревле населенной полосе южной части долины Ферганы. В связи с этим Комитет наук при СНК УзССР учредил сверхплановую экспедицию археологического надзора для участия в этом строительстве. Одновременное проведение канала по всей трассе, огромное протяжение последней, необходимость приспособления археологического надзора к скоростным темпам производства земляных работ без ущерба для них поставили перед узбекистанскими археологическими организациями задачу по разработке новых приемов полевых археологических исследований в специфической обстановке.

Экспедиция археологического надзора работала в составе трех археологических отрядов (состоявших каждый из одного археолога и семи наблюдателей-коллекторов), одной архитектурной группы, двух топографов, двух фотографов и двух технических работников. Все тридцать три участника экспедиции находились в постоянном движении вдоль трассы. Помощь со стороны строителей-колхозников, среди которых велось соответствующее разъяснение задач археологического надзора, дала возможность собрать большой и разнообразный вещевой материал и зафиксировать сотни наблюдений, благодаря чему удалось использовать строительство БФК как гигантский археологический разрез почти через всю Ферганскую долину.

Второй этап деятельности экспедиции вслед за окончанием земляных работ заключался в археологической рекогносцировке прилежащих к трассе районов. В результате Фергана оказалась покрытой сеткой маршрутов и археологический надзор превратился в разведочную экспедицию, широко охватившую самые разнообразные памятники.

Состав вещевых находок обнимает объекты от кремневых орудий до предметов эпохи последнего кокандского ханства. Наибольшее количество выявленных археологическим надзором памятников приходится

на время, предшествующее арабскому завоеванию. Среди находок есть столь редко до сих пор встречающиеся в Фергане древние предметы из бронзы: наконечники копий, стрел, украшения и др. Наибольшей полнотой отличается комплекс памятников второй половины I тысячелетия до н. э., обозначенный термином „даваньский“ (от слова Давань, как именуется эта страна в китайских источниках). Установлено несколько городищ этой культуры, обнаружен ряд погребений и разнообразный инвентарь. Характерной для нее („даваньской культуры“) является керамика с процарапанным орнаментом. Среди предметов, относящихся к этой культуре, должен быть отмечен сосуд в виде банки с прямыми боками без ручек, на наружной стороне которого даны изображения фазанов, отделенные друг от друга елочками. Среди украшений в могилах найдена бронзовая пряжка с обращенными друг к другу головами львиц, могущая быть сближенной с таковыми же изображениями на некоторых предметах, принадлежащих искусству ахеменидского Ирана. К этой же эпохе относятся некоторые рисунки на скалах у сел. Араван и в горах Айрымачтаз к СЗ от г. Оша, где экспедицией зафиксированы выбитые изящные силуэты местных лошадей легкого восточного типа (аргамаки), о высоких породных качествах которых имеются упоминания в китайских летописях II в. до н. э. Это единственный пока иконографический материал, относящийся к прославленным даваньским лошадям. Очень хороша также в наскальных рисунках фигура оленя с запрокинутыми назад рогами, напоминающая трактовкой изображения этого животного из Сибири. Среди отдельных предметов заслуживает упоминания впервые найденный в Фергане крупный бронзовый котел „скифского“ типа на трех ножках с четырьмя дисковидными ручками и размещенными между ними изображениями горных козлов, как бы шествующих в направлении по часовой стрелке.

Найден ряд поселений, которые заключают в себе высокосортную красную керамику, могущую быть сближенной с керамикой „кушанского“ типа. Из более поздних памятников обнаружены погребения в ляхатах (так наз. „катакомбы“), сопровождающиеся находками обломков мелких медных монет с квадратным отверстием китайского типа, но видимо среднеазиатского происхождения.

Среди многочисленных зарегистрированных экспедицией архаических и дофеодальных городищ были осмотрены развалины древнего Касана, считавшегося столицей Ферганы еще в VIII в. и находящегося к северу от нынешнего одноименного селения. Выяснено, что после арабского завоевания жизнь на этом городище замерла. Посещение развалин Ахсыкента, известного как главный город Ферганы с IX в., привело к открытию в его нижних культурных слоях расписной керамики древнего типа. Выяснилось, что около двух тысяч лет назад здесь был крупный городской центр. На поверхности городища лежит культурный слой конца XII — начала XIII в. и лишь в цитадели и вблизи нее попадает в небольшом количестве материал XV в.

Установлено местонахождение ряда средневековых городищ, в том числе Риштана, часть которого занята теперь современным кладбищем с мазаром, носящим имя известного законоведа XII в. и автора Хидаи. Развалины средневекового города Пап (в арабской транскрипции Баб) обнаружены на правом берегу Сыр-дарьи, причем городище носит название Мунчак-тепе. Уточнено представление об исторической топографии некоторых других средневековых городов (Маргелана, Коканда и др.). Выяснено, что в Андижане, в центре города, на месте соборной мечети и минарета XIX в. прежде находились здания с облицовкой из резных неглазурованных кирпичей конца XIII — начала XIV в., т. е. времени, когда по распоряжению Хайду и Дува-хана отстраивался самый

город. В отношении Кувы, бывшей в X в. вторым по величине городом в Фергане, выяснено, что верхний культурный слой обширной территории ее шахристана содержит материал не позднее начала XIII в., после чего жизнь с этого городища переместилась на примыкающую с востока площадь.

Сбор монет дал нумизматическую коллекцию в несколько сот объектов, охватывающих период почти в 2200 лет, причем впервые в Фергане зарегистрирована находка греко-бактрийских монет (медные крупные халки Гелиокла середины II в. до н. э.). Вскрытие погребений различных эпох впервые же предоставило в распоряжение советской антропологии остеологический материал далекого прошлого Ферганы.

Архитектурная группа, фиксирующая главным образом памятники местного зодчества XIX в., обнаружила в Аште в мазаре Аштсахаба средневековый михраб, покрытый великолепным резным глиняным штукатуром. До сих пор в Средней Азии известны были лишь единичные фрагменты такого штукатура.

Ряд наблюдений привел к заключению, что сложная ирригационная система в основном была создана в Фергане чуть ли не две тысячи лет назад. Установлено между прочим, что стоящий в начале Сохского веера крупный укрепленный замок Сарыкурган в основных культурных слоях включает керамику „кушанского“ типа, которая встречается и на территории одноименного нынешнего кишлака.

Экспедиции удалось побывать кое-где на окраине песков, находящихся в центре Ферганы, и установить, что площадь культурных земель с руинами, заключающими в себе „даваньскую“ и несколько более позднюю керамику, еще около двух тысяч лет назад занимала часть территории современной пустыни. Наконец, археологический разрез показал, что процесс заболачивания Ферганской долины происходил с давних пор в отдельных ее частях и продолжался до последнего времени. Колебания уровня грунтовых вод были весьма значительны, и в ряде пунктов под их современным уровнем вскрыты погребенные культурные слои.

Помимо многочисленных наблюдений и обильного сбора вещевых материалов, в результате экспедиции археологического надзора на БФК накоплен производственный опыт по проведению наблюдений на крупных новостройках, осуществляющихся скоростными темпами, и дана перспектива для наметки плана будущих работ по широкому археологическому изучению Ферганы — наименее исследованной в этом отношении области УзССР.

М. Е. Массон

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ РАСКОПОК ДРЕВНЕЙ ТИРИТАКИ

Летом 1939 г. продолжила свои работы Боспорская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. В экспедиции принимал участие, как своими средствами, так и научными силами, Керченский археологический музей им. А. С. Пушкина. Экспедиция продолжала раскопки древнего города Тиритаки (в Камышбуруне, к югу от Керчи), начатые в 1932 г. и ведущиеся с тех пор ежегодно. Ниже мы даем наиболее существенные выводы.

Прежде всего следует отметить своеобразный облик Тиритаки как древнего поселения. Античные писатели упоминают Тиритаку как город, но то, что открывают раскопки, далеко не совпадает с обычными представлениями об античных городах с присущей им четкой распланировкой, уличными магистралями, с многочисленными жилыми и монументальными

общественными постройками и т. д. Этого в Тиритаке мы не находим. Тиритака — ярко выраженный боспорский промышленный городок, в котором преобладающая часть территории была использована под различного рода производственно-хозяйственные постройки.

Раскопки нынешнего года подтвердили, что значительная часть территории Тиритаки в I—III вв. н. э. была занята под рыбопромышленные сооружения. Последними раскопками открыт в нескольких пунктах городища еще ряд рыбозасолочных ванн.

Устройство отдельных комплексов засолочных ванн находилось в зависимости от размеров хозяйства, к которому те или иные группы ванн принадлежали. Так, в этом году открыто в южной части городища 5 ванн, общей емкостью около 42 кубометров, что позволяло подвергать одновременному посолу десятки тонн рыбы. В данном случае перед нами остатки довольно крупного в условиях древности предприятия, несомненно, экспортировавшего соленую рыбу за пределы Тиритаки и даже, вероятно, за пределы Боспора. К числу таких наиболее обширных рыбозасолочных комплексов относится ранее открытая около крепостной стены группа ванн. Но на ряду с крупными рыбозасолочными объектами раскопки обнаружили и одиночные ванны, расположенные при отдельных домах и, несомненно, служившие лишь для заготовки рыбы, рассчитанной на домашнее потребление. Впрочем, групповые засолочные ванны преобладают, чем подтверждаются большие масштабы рыбозасолочного дела в Тиритаке, являвшейся, безусловно, одним из важнейших пунктов массового экспорта рыбных продуктов в римский период.

Значительно расширена была в 1939 г. площадь раскопок в западной части городища, где в 1938 г. были открыты интересные остатки здания VI в. до н. э. с ценным комплексом вещественных находок (архаические терракоты и др.). В текущем году это здание было подвергнуто исчерпывающему исследованию. Расширение площади раскопок повело к открытию построек римского времени (обширное здание — „амбар“, мощный дворик, подвальное помещение с ступенчатым ходом и др.). Интересны выложенные внутри каменной кладкой обширные ямы, служившие, повидимому, зернохранилищами.

Большой научный интерес представляет открытие в текущем году хорошо сохранившихся остатков дома с многочисленным комплексом вещественных находок поздне римского времени. Перекрывавший его слой земли достигал почти 3,5 м толщины. Стены здания сохранились местами до 2 м в высоту. Здесь через дверной проем можно пройти из дворика, вымощенного каменными плитами, внутрь помещения. В помещении пол также имеет плитовой настил.

Против входа внутри помещения в пол вкопан большей пифос (наиб. диам. туловища около 1 м) емкостью в несколько сот литров. Возможно, пифос служил для хранения запасов зернового хлеба: в помещении, в промежутке между пифосом и входом, при раскопках обнаружено значительное количество обуглившихся зерен пшеницы. В этой же связи следует отметить находку каменных жерновов для ручного размола зерна. Близ пифоса, в полу выявлена яма, диам. 1 м, глуб. 0,68 м, заполненная золой, при удалении которой в яме найдены: костяная игла для плетения рыболовных сетей, глиняный светильник, железный молоток, сероглиняный кувшин сарматского типа (туловище украшено поясом из перекрывающихся линий, исполненных посредством лощения), точильные камни и др. На полу помещения обнаружены различные предметы домашнего обихода и хозяйства. В числе их были целые и фрагментированные лепные сосуды, несколько светильников, круглое бронзовое зеркальце с ушком в центре, глиняные пряслица, фрагменты стеклянных сосудов и краснолаковых блюд поздних типов (на одном обломке имеется

оттиснутое штампом изображение креста), несколько бронзовых монет и пр. В исключительном изобилии в помещении найдены объемистые, массивные остродонные амфоры позднееримского времени, на некоторых из них сохранились свинцовые скрепы, которыми сосуды были реставрированы еще в древности. Дом погиб в пожаре, поэтому весь пол был покрыт большим количеством угля от сгоревших деревянных частей его. Повидимому, значительное число вышеуказанных амфор хранилось в этом доме во втором этаже, во время пожара они упали вниз при обвале потолка. О наличии второго этажа говорят и остатки каменной лестницы, от которой во дворе сохранились вдоль одной из стен дома каменные ступени. В Тиритаке уничтоженные пожаром в позднееримское время здания обнаруживаются не впервые. Это позволяет заключить, что Тиритака подверглась в IV в. н. э. вражескому нападению, приведшему город к частичной гибели.

Возвращаясь к описанию раскопок здания позднееримского времени, следует отметить находку около двух десятков грузил в виде грубо обработанных камней различных размеров с желобчатым перехватом посередине, служившим для обвязывания грузил веревкой. Кстати сказать, в помещении были встречены куски обуглившегося каната, являвшегося, быть может, частью рыболовных снастей. Очевидно, владелец дома занимался рыболовством, об этом же говорит и обнаруженная в смежном помещении оцементированная рыбозасолочная ванна, размерами 1.75 × 1.35 м, глуб. 1.90 м.

При раскопках основного помещения в нижней части стены было обнаружено выдолбленное в большом камне углубление, замазанное глиной. Внутри этой своеобразной замурованной ниши лежали кости поросенка и ягненка, присыпанные сверху морским песком с жучками севрюги и покрытые амфорными черепками. Возле костей оказался целый глиняный светильник. Повидимому, ниша с костями животных связана с каким-то древним культовым обрядом.

Заслуживает внимания еще одна деталь: на каменном помосте во дворе при раскопках обнаружен небольшой каменный „тарапан“, т. е. каменное ложе с высеченным на нем жолобом и сливом, служившее для выжимания виноградного сока. Стало быть, хозяйство данного дома включало в себя и виноделие. Раскопки последних лет все более убеждают, что виноградарство и виноделие на Керченском полуострове в античную эпоху занимали важное место в экономике Боспорского царства, особенно в позднеэллинистический и римский периоды, когда подвоз вин извне сократился. Раскопками 1939 г. в южной части Тиритаки вскрыты остатки еще одной большой винодельни, относящейся ко II в. до н. э. Винодельня оказалась под мощной земляной насыпью, причем выявить полностью все части винодельни не представлялось возможным из-за того, что почти половина развалин здания покрыта насыпью железно-дорожной ветки. Тем не менее удалось вскрыть обширную давящую площадку, на которой выжимали виноградный сок, а также часть большого резервуара. Для стока виноградного сусла с площадки в резервуар служил каменный слив. Площадка и резервуар покрыты цементом белого цвета, отличающимся по своему составу от цемента римского времени, но, судя по хорошей сохранности оцементированных поверхностей, он не уступал последнему по своей прочности. С открытием этой винодельни мы имеем в Тиритаке серию древних виноделен, относящихся к II в. до н. э. — III в. н. э. и наглядно рисующих развитие техники античного виноделия на Боспоре.

Как уже отмечалось выше, раскопками установлено, что в IV в. н. э. Тиритака подвергалась разрушению; это произошло в период значительных племенных передвижений в Северном Причерноморье, что и привело

к окончательной гибели Боспорское государство. Но пострадавшая в IV в. Тиритака не прекратила своего существования. Об этом говорят вещественные находки и строительные остатки раннего средневековья. Из них отметим находку в западной части городища глиняного пифоса с греческой надписью (имя гончара) и вырезанным изображением креста V—VI вв. н. э., а также некоторое количество керамики этого же времени. В раннем средневековье, правда в меньших масштабах, продолжал существовать и рыбный промысел, хотя большое количество ванн римского времени уже было засыпано. Население занималось в основном хлебопашеством. В VII—VIII вв. жизнь в Тиритаке совершенно замерла.

Что касается вещественных находок, то раскопная кампания 1939 г. и в этом отношении дала немало нового интересного материала. Интересны фрагмент архаического расписного сосуда с частью надписи и ряд других обломков архаической керамики. Особенно обиден в этом году материал по римскому периоду, причем выдающимся представляется комплекс находок из позднеримского дома, открытого на раскопе XV. Здесь найден выразительный и разнообразный вещественный материал из боспорского жилого дома III—IV вв. н. э.

Большой интерес представляет находка близ одного из комплексов рыбозасолячных ванн закупоренной амфоры с сохранившейся в ней жидкостью (рис. 13). Амфора (выс. 0.58 м) имеет удлиненное цилиндрическое туловище с конусовидным острым дном и, по своей форме, должна быть отнесена к IV—V вв. н. э. Амфора обнаружена в слегка наклонном положении, причем горло ее оказалось наглухо закрытым волокнистой массой, пропитанной каким-то веществом черного цвета, своим запахом напоминающим нефть. Плечи и горло амфоры снаружи покрыты большим бесформенным комом твердой смолы с прилипшими к ней частицами земли. Для исследования амфора была доставлена в Ленинград. В Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра вскрытие амфоры и изучение ее содержимого было поручено группе специалистов во главе с профессором Ленинградского химико-технологического института В. В. Яновским. Вскрытие амфоры решено было произвести так, чтобы до выяснения характера сохранившейся в ней жидкости избежать доступа в амфору воздуха извне, так как последний мог бы повлиять на качественное состояние жидкости. В виду этого проба жидкости из амфоры была взята через пробурованное в ее корпусе небольшое отверстие, причем как сверление отверстия, так и взятие пробы производилось посредством специального прибора, исключавшего проникновение воздуха в амфору. Все внешние признаки (маслянистая темнубурого цвета жидкость, нерастворяющаяся в воде, характерный запах) указывали на то, что в амфоре заключено масло нефтяного происхождения. Амфора, опорожненная от этой жидкости, извлеченной в количестве около 2300 г, была затем распилена, чтобы извлечь из нижней ее части сгустившую массу весом около 1300 г. Следовательно, вес всего содержимого амфоры составлял свыше 3.5 кг.



Рис. 13. Тиритака. Амфора (IV—V вв. н. э.), в которой сохранилась нефтяная жидкость.

Любопытно, что внутри амфоры в сгустившейся части жидкости обнаружались куски стеблей соломы, вероятно от той „пробки“, которой закупоривали амфору. Амфора, наполненная в древности нефтью или нефтяным продуктом, повидимому, была закрыта пробкой в виде плотного соломенного пьжа. Вследствие наклонного положения амфоры во время пребывания ее уже в земле через пробку понемногу просачивалась нефть, которая, окисляясь, превращалась снаружи в твердую смолу („кир“), что в свою очередь и придало укупорке амфоры полную герметичность, обеспечив тем самым сохранение в амфоре жидкой нефти на протяжении около 1500 лет.

Извлеченная из амфоры нефть передана в настоящее время для детального химического исследования. Находка амфоры с нефтью в Тиритаке показывает, что в поселениях Северного Причерноморья в древности умели использовать нефть, которая, судя по сообщениям античных писателей, применялась для хозяйственных целей, прежде всего в качестве горючего для освещения, а также, вероятно, и в медицинской практике.

В. Ф. Гайдукевич

РАСКОПКИ ПРАВОБЕРЕЖНОГО ЦЫМЛЯНСКОГО ГОРОДИЩА

После трехлетнего перерыва, в 1939 г., возобновились работы Саркелской экспедиции ИИМК с целью исследования правобережного Цымлянского городища. Это городище расположено в 7—8 км от ст. Цымлянской вниз по течению Дона, на правом крутом берегу, между двумя глубокими балками, пересекающими здесь линию берега. Вершины этих балок почти сходятся друг с другом и тем самым придают площадке городища форму треугольника, основанием которого является берег Дона. Высота берега здесь доходит до 70 м над уровнем реки. Склоны балок не менее круты и также высоки. Такое местоположение в сочетании с мощными фортификационными сооружениями делало городище в военном отношении в свое время почти что неприступным.

Весьма благоприятное положение занимало оно и в экономическом отношении. Левая пойменная сторона Дона, раскинувшаяся на многие километры, располагала богатыми, сочными пастбищами для скота; с напольной стороны к городищу примыкали не менее привольные целинные земли придонских степей. Лежавший у подножья городища Дон был не только одним из важнейших торговых водных путей, связывающих степи с городами Азовского и Черноморского побережий, а через Волгу и с Каспием, но вместе с тем представлял и богатейшие возможности для развития рыбного промысла.

Несмотря на такое выгодное положение, судя по данным раскопок, жизнь городища была все же непродолжительна, по всей вероятности, не более трех столетий (VIII—X вв.). Но, как видно, это была яркая, красочная, бурная по темпам жизнь.

Полевые наблюдения дают основание подметить в жизни городища не менее трех периодов. Основанием для такого членения является различие в типах жилых построек (форма, строительный материал, строительная техника и т. п.).

Наиболее четко, хотя и не на большом участке, были прослежены остатки культуры первого периода, благодаря стерильной прослойке (глиняной обмазке пола), отделяющей их от культуры последующего периода. Здесь, помимо незначительных вещественных находок, состоящих из лепной керамики, железных шлаков и костей животных, было вскрыто жилище полуземляночного типа. Это была неглубокая яма

оальной формы, в диаметре около 2.5 м по длинной оси и 1.8 м по короткой, с круглой очажной ямой у северной стенки внутри. Пол и стены жилища обмазаны глиной. Остатков наземной части жилища не сохранилось. Исходя из формы ямы, можно предполагать, что верх жилища имел конусообразное сооружение типа юрты. В жилище, так же как и вокруг него, была найдена керамика исключительно лепная. По своим формам, качеству глины и технике изготовления эта керамика очень близка к лепной керамике Маяцкого поселения. Это преимущественно горшки, с плоским дном, незначительно выпуклым корпусом и венчиком, отогнутым под острым углом. Насечка по краю венчика — единственный вид орнаментации.

По характеру жилых построек и облику всей материальной культуры второй период резко отличается от первого. Груды строительного мусора (битых кирпичей, известковой щебенки и т. п.), а также остатки кирпичных кладок, хотя и незначительных, дают полное основание утверждать, что в этот период существовали постройки из кирпичей, на извести.

Форма кирпичей, их размеры, качество выделки (глина, обжиг) очень близки к кирпичам левобережного городища (Саркела). Жалкие остатки кладок, к сожалению, не дают возможности произвести сравнение техники кладки правобережного городища с техникой кладки левобережья.

Нет никаких данных и для установления размера построек и их архитектурных форм. Можно отметить с несомненностью лишь один факт, что кирпичные здания возводились на правобережном городище также без фундамента, непосредственно на дневной поверхности, как и на левобережном. К этому же периоду, вероятнее всего, нужно отнести и возведение весьма мощных крепостных с большим количеством башен стен из белого известнякового камня; остатки развалин стен и башен сохранились вплоть до наших дней.

Вещественный материал второго и третьего периодов, за исключением предметов, найденных в жилых помещениях третьего периода, трудно расчлнить, настолько однообразен он по своему культурному облику. Нет возможности расчлнить его и стратиграфически, в виду незначительной мощности культурных напластований и последующих нарушений их.

Находки, относящиеся к этим двум периодам, значительно богаче и разнообразнее, чем в первом периоде. Керамика почти исключительно сделана на гончарном круге. Основные типы сосудов: а) горшки с волнистым и линейным врезным орнаментом; б) разнообразные сосуды с лощением типа Салтова; в) яйцевидные амфоры; г) серые сосуды из плотной глины хорошего обжига без какой-либо орнаментации и т. п.

Особой чертой этого комплекса является обилие железных изделий: предметы вооружения (разнообразные наконечники стрел, наконечники копий), части конского снаряжения (удила, стремяна), предметы домашнего быта (ножи, фрагменты железных ведер), орудия производства (серпы, топоры, рыболовные крючки и т. д.). Очень мало предметов украшения. Найдено всего лишь несколько бус, одно целое и два или три фрагмента металлических зеркал, несколько поясных бляшек и одна серьга. Большинство вещей этого комплекса, в том числе и керамика, имеют аналогии в материалах Салтовского и Маяцкого поселений и их могильников. Конец жизни второго периода связан без сомнения с разрушением крепостных сооружений, свидетельством чему является широкое использование последующими обитателями строительных материалов второго периода, в том числе и материалов стен (тесаных камней). Среди известных исторических фактов, к которым можно было бы при-

урочить эти довольно крупные события, есть лишь один—взятие киевским князем Святославом Игоревичем хазарского города Белой Вежи. Под 965 г. древняя русская летопись отмечает:

„Иде Святослав на Козары слышавше же Козаре изыдоша противу с князем своим каганом и съступиша ся бити и бывши брани межи ими одоле Святослав Козаром и город их Белу Вежу взя“.¹

Внешний облик правобережного Цымлянского городища неоднократно давал уже повод русским историкам отождествлять его с Белой Вежей русских летописей.² К подобному же выводу, в результате длительных археологических изысканий в этом районе, пришел и М. И. Артамонов, предполагая, что наименование более древнего правобережного поселения впоследствии, когда было сооружено левобережное Цымлянское городище, было распространено и на него в форме Саркел, что значит „белый дом“, „белая гостиница“.³

Третий период в жизни городища можно выделить лишь по типу жилищ. Как и первый, третий период характеризуется жилищами-полуземлянками, в виде неглубоких круглых или овальных ям, часто двойных, диаметром от 2,5 до 3 м. Пол большинства ям обмазан глиной. В центре или близко к нему на полу имеются следы очага. Специальных очажных сооружений ни в одном из жилищ не встретилось. Как и в жилищах первого периода, никаких следов наземных сооружений не сохранилось. По всей вероятности, они были конусообразными, как и жилища первого периода, т. е. типа юрт.

Жилища третьего периода встречены на всей территории главного укрепления, как в центре, так и на окраине. В ряде из них найдены человеческие скелеты или части их. Положение их самое разнообразное. Нет единства и в ориентировке. Никакого погребального инвентаря непосредственно при скелетах не найдено. Вообще же в жилищах обнаружено большое количество различных вещей, начиная от предметов домашнего обихода и кончая орудиями производства. Эти вещи, как мы отмечали выше, можно определить как принадлежащие к третьему периоду.

В жилищах №№ 1 и 5 были обнаружены хорошо сохранившиеся рыболовные крючки, долота и ряд других предметов. В первом же жилище найдена мотыга. В жилище № 6 найден весьма богатый комплект земледельческих орудий: коса, два сошника, нож от сабана, маленькая железная лопаточка и другие вещи (рис. 14). Рыболовные крючки и фрагмент серпа найдены в жилище № 17. В ряде других жилищ также были находимы подобные предметы.

Большая часть находок была обнаружена в заполнении ям, характер которого весьма разнообразен: кирпичи, бывшие в употреблении, известковая щебенка, камни, кости рыб и животных, керамика, изделия из металла и т. д.

Отмеченные выше факты, установленные в процессе полевого исследования, дают основание предполагать, что третий период в жизни городища закончился какой-то катастрофой. Наиболее реальным предположением можно считать неожиданный набег степняков, которые в конце X—начале XI ст. в связи с падением Хазарского каганата являлись полными хозяевами южнорусских степей.

Есть ли основание полагать, что после разрушения поселения третьего периода жизнь на городище не возобновлялась?

¹ ПСА, т. II, изд. 2, СПб., 1908, стр. 53.

² Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I.

³ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Лгр., 1935, стр. 89.

Некоторые данные раскопок дают право заключить, что была сделана попытка вновь заселить городище. К числу их нужно отнести прежде всего наличие фрагментов различных вымоستок из бывшего в употреблении кирпича, сложенных „насухо“, которые, безусловно, не могут быть отнесены ко второму периоду. Не вяжутся они и с постройками третьего периода, так как есть случаи перекрытия последних первыми. Такую картину мы наблюдали на жилище № 12. Жилище это, как и другие, было заполнено кирпичами, камнями, кухонными отбросами и т. д.

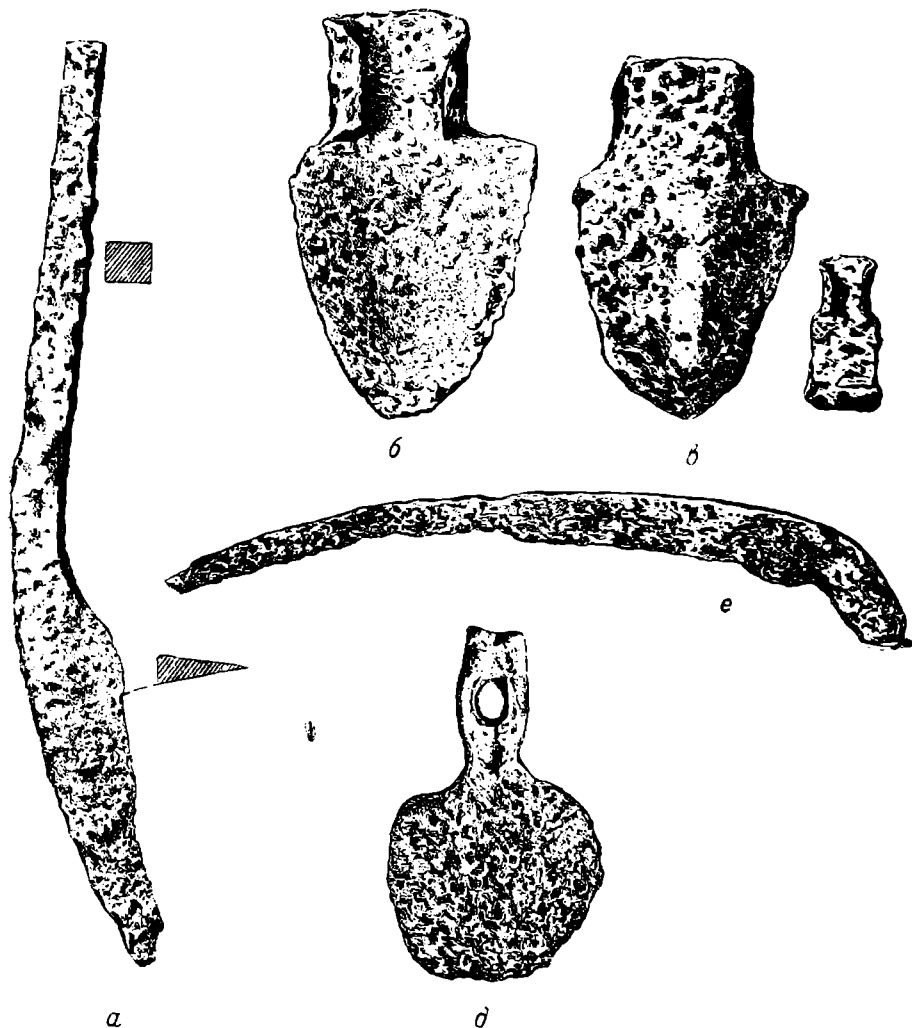


Рис. 14. Правобережное Цымлянское городище. Земледельческие орудия.

а, б, в, г, д — из жилища № 6; е — из жилища № 1.

Поверх этого заполнения жилище было перекрыто глиняной обмазкой, выше которой покоилась вымостка из кирпичей „насухо“.

Более яркую картину возобновления жизни на городище, после разрушения жилых построек третьего периода, мы наблюдали при исследовании вала городища в северо-западном углу. Здесь одно из жилищ третьего периода (№ 18) было также перекрыто глиняной обмазкой, поверх которой была возведена крепостная стена. Таким образом налицо не только попытка вновь заселить территорию городища, но и восстановить, может быть и в меньшем масштабе, крепостные стены,

разрушенные по всем данным одновременно с разрушением жилых кирпичных построек.

Для выяснения конструкции фортификационных сооружений было заложено два раскопа в северо-западном и юго-восточном углах.

В северной части северо-западного раскопа, около балки, были вскрыты остатки основания башенного выступа из одного ряда крупных плит песчаника. И стена и башня были возведены прямо на материке без какого-либо фундамента. Длина северной стороны башенного выступа (параллельной крепостной стене) 5,65 м, восточной и западной (перпендикулярных к крепостной стене) 3,60 м. Толщина крепостной стены от 4,0 до 4,8 м. От последней сохранились лишь отпечатки блоков. Судя по этим отпечаткам и оставшемуся материалу, можно утверждать, что только снаружи стены были сложены из тесаных камней, вся же внутренняя часть была забутована известняком „насухо“. Во многих местах башенного выступа сохранились остатки второго ряда кладки из мягкого (мергелистого) известняка. Размеры камней второго ряда по сравнению с первым незначительны (40 × 40 × 30—35 см). Кладка произведена „насухо“ уступом 15—20 см от края.

На расстоянии около 4 м от внутренней стороны стены (к югу) менее заметно, но все же в достаточной степени ясно, намечаются следы основания второй стены толщиной около 5,5 м, отмеченной нами выше. Судя по тому, что под этой стеной обнаружено жилище третьего периода с человеческим костяком, нужно предполагать, что возведение ее относится к самой поздней попытке возобновить жизнь на городище. Была эта попытка осуществлена или нет, сказать трудно. Мы располагаем пока слишком незначительными данными.

Материалы раскопок еще не обработаны, но и сейчас уже смело можно сказать, что в вопросе изучения средневекового юго-востока (VIII—X ст.) они явятся источником первостепенной важности. Наибольший интерес представляют, безусловно, находки третьего периода жизни городища, дающие богатый материал для понимания весьма важного момента в жизни населения юго-восточной степи: процесса оседания кочевников, начавшегося около IX ст. Это положение, отмеченное М. И. Артамоновым еще несколько лет тому назад,¹ в вскрытых нами полуземлянках-юртах с богатым земледельческим инвентарем получает блестящее подтверждение. Не менее интересным будет этот материал и для понимания характера колонизационного движения славяно-русского населения на юго-восток, начавшегося в связи с разгромом Святославом Хазарского каганата в конце X ст.

И. И. Ляпушкин

¹ М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 117—118.

IV. ИНФОРМАЦИИ

ИИМК в 1939 г.

(Извлечения из отчетного доклада директора Института М. И. Артамонова активу ИИМК 29 I 1940)

На 1939 год падают две знаменательные в жизни Института истории материальной культуры даты. Первая — двадцатилетие существования ГАИМК—ИИМК и вторая — пятилетие со дня смерти основателя и руководителя этого старейшего советского археологического учреждения — Николая Яковлевича Марра. Естественно, поэтому, оценивая деятельность ИИМК в 1939 г., рассмотреть ее в связи с этими датами.

Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР возник в середине 1937 г. на базе Гос. Академии истории материальной культуры. Гос. Академия истории материальной культуры была основана в 1919 г. одним из крупнейших советских ученых, академиком Н. Я. Марром, и вплоть до смерти своего основателя оставалась его любимейшим детищем. Н. Я. Марр стремился перевести любительскую, вещеведческую археологию, какой она досталась нам от дореволюционного времени, на рельсы истории и прочно связать ее с другими историческими дисциплинами, в особенности с лингвистикой. В археологии он хотел найти прочную опору для своих лингвистических построений. Семьдесят лет назад, посеянные Н. Я. Марром в ГАИМК, не заглохли и дали ростки, правда не совсем такие, какие хотел вырастить Н. Я. Марр, но именно те, какие могли вырасти на археологической почве. Во всяком случае, прямой наследник ГАИМК Институт истории материальной культуры с полным правом носит имя Н. Я. Марра и не только включил в свой арсенал основные идеи этого ученого, но только хранит заведенную им традицию тесной увязки „материальной культуры“ с другими источниками исторического знания, но и продолжает дальнейшую разработку тех сторон в учении Н. Я. Марра, какие соответствуют кругу его проблематики и возможностям его основных источников.

В ИИМК сосредоточены наиболее квалифицированные кадры советских археологов. Это бесспорно ведущее археологическое учреждение нашей страны,

наиболее ярко отражающее состояние археологии в СССР, ее достоинства и недостатки.

В последние годы, и в особенности в 1939 г., научно-исследовательская деятельность Института претерпела весьма существенные изменения по сравнению с прошлым.

Основное содержание работы Института в 1938 и 1939 г. составляли коллективные обобщающие труды по истории и истории культуры, подводящие итог археологическим исследованиям в их новом историческом направлении.

Так как вопрос о содержании научной деятельности Института представляет большое принципиальное значение и до сих пор имеются противники взятого Институтом курса, на нем необходимо остановиться прежде всего для разъяснения некоторых недоразумений.

Историческое исследование не исключает, а предполагает работу над подготовкой источников, над добыванием и обработкой их. И в деятельности Института исторические исследования не снимают необходимости заниматься и археологическими раскопками и систематизацией археологических материалов. Однако, с включением в круг деятельности Института исторических проблем собственно археологическая работа естественно получает новое значение: из самодовлеющей она становится вспомогательной, из цели — средством для достижения цели. В этом вся разница, но разница очень существенная. Институт занимается археологическими памятниками не потому, что они существуют и из них можно что-то извлечь, а для того, чтобы ответить на поставленные исторической наукой вопросы, для того, чтобы осветить определенные стороны или периоды исторического процесса.

В плане ИИМК поэтому имеются не только обобщающие исторические труды, но и исследования по отдельным вопросам истории, основанные на археологических данных, и археологические систематико-описательные, источниковедческие работы. И в дальнейшем все эти виды работ, несомненно, должны производиться в Институте, но соотношение их между собой может и будет меняться.

В плане Института в 1939 г. доминирующее положение занимали обобщающие

исторические труды, и это обстоятельство отнюдь не следует расценивать как результат недооценки собственно археологических работ. Советская археология переживает период крутого поворота к истории, подготовленного предшествующим развитием археологии, но тем не менее все же очень резкого и крутого. В стремлении как можно скорее закончить этот поворот заключается одна из главнейших причин того, что в плане Института на 1939 г. обобщающие исторические труды занимали так много места.

Результаты нового курса уже сказываются в археологических исследованиях Института. На основе опыта обобщающих исторических трудов и частные археологические темы ставятся по-новому. Сотрудники Института ставят их как историки, а не как узкие ограниченные специалисты-археологи, которые не умели из-за деревьев видеть леса и, годами работая над какой-нибудь археологической темой, не могли ответить — почему сие важно хотя бы в пятых.

Положительная оценка успехов советской археологии наша свое выражение в поручении ИИМК написания древней истории СССР. Эта задача была выполнена Институтом в необычайно короткий срок. Два первых тома „Истории СССР“, объемом около 100 печ. листов, охватывающие время от появления человека на территории СССР до образования древнерусского государства, были написаны в течение одного 1938 года. Изданные на правах рукописи ограниченным тиражом эти два тома подверглись внимательному обсуждению и критике в исторических учреждениях нашей страны. В многочисленных отзывах и замечаниях на эти два тома, полученных Институтом, отмечается громадное значение этого первого опыта написания древней истории СССР, указывается на оригинальный исследовательский характер этого труда, на новизну и ценность привлеченного материала. Вместе с тем в этих отзывах и замечаниях содержатся указания и на многочисленные недостатки и ошибки, допущенные в этой работе. В настоящее время в Институте заканчивается переработка первых двух томов „Истории СССР“ на основе этих замечаний и отзывов. В 1940 г. оба тома могут быть изданы в окончательной редакции полным тиражом.

Воодушевленный успехом работы над „Историей СССР“ в 1938 г., коллектив ИИМК включил в свой производственный план на 1939 г. уже целый ряд обобщающих коллективных трудов, а именно: 1-й том „Всемирной истории“, 1-й том „Первобытной культуры“, 1-й том „Истории русской культуры“, 3-й том „Истории античной культуры“, посвященный античной культуре в Северном Причерноморье, „Историю культуры мордовского народа“, „Историю культуры тюркских народов Алтая“ и ряд сборников с очерками по

истории культуры Кавказа, Средней Азии, Приуралья и Урала.

Теперь уже ясно, что производственный план Института на 1939 г. был чрезмерно велик. Однако перегруженность, напряженность плана Института в 1939 г. заключались не столько в количественном его выражении, сколько в содержании работы. Дело не в том, что коллектив Института должен был написать много работ, что отдельным сотрудникам пришлось написать много листов. Сущность затруднений заключалась в том, что Институт должен был создать такие работы, каких он еще никогда не давал, сотрудники должны были работать над такими темами, для которых они оказались недостаточно подготовленными. Трудность заключалась в том, что, встав перед задачей написания обобщающих исторических трудов, коллектив Института обнаружил, что он до сих пор совершенно недостаточно занимался большими, общими вопросами истории, что целый ряд частных вопросов точно так же или вовсе не разработан или разработан совершенно недостаточно. Авторским коллективом, занятым обобщающими трудами, пришлось сразу брать два препятствия: им надо было и подытожить материалы и на основе их дать обобщающие исторические построения, попутно решая множество впервые всплывших частных вопросов. Вот в чем заключаются основные причины пережитых Институтом затруднений, вот в чем причины частичного невыполнения плана, некоторых срывов и неудач.

Следует отметить и еще одну трудность, связанную с написанием исторических, а тем более обобщающих трудов, а именно — необходимость использования в них не только археологических данных, но и этнографических, и лингвистических, и письменных источников. Само собой разумеется, что Институт преимущественно работает над трудами, где археологические данные имеют наибольшее значение, но обойтись одними этими данными ни в одной исторической работе, даже частного характера, невозможно. Задача увязки данных разного рода источников может быть решена путем кооперации специалистов разного рода, но, говоря уже о трудностях такой кооперации, проистекающих от разных причин, следует отметить, что, даже при хорошей организации такой кооперации, при совместной работе, остается совершенно необходимым для каждого специалиста знакомство с материалами и проблематикой сопредельных дисциплин. Опыт коллективных работ в ИИМК показал, что такого рода знаний у наших специалистов совершенно недостаточно. Эти необходимые знания им пришлось восполнять в процессе работы, что, конечно, составило весьма значительную дополнительную нагрузку. Больше того, обнаружилось, что некоторые специалисты-археологи замкнулись

в слишком узкие рамки даже в пределах археологической науки и нередко оказываются плохо ориентированными даже в материалах, казалось бы, имеющих прямое отношение к их специальности. Так, например, некоторые специалисты ограничиваются знаниями, относящимися к какой-нибудь одной, узко ограниченной и территориально и хронологически группе вещественных памятников. Это обстоятельство, является, конечно, весьма крупным препятствием для превращения археолога в историка. Кругозор историка должен быть более широким, и с доскональным знанием материалов по своей узкой специальности он должен совмещать хорошее знание археологии эпохи в целом и знакомство с данными по этой эпохе сопредельных дисциплин.

Таким образом коллективная работа над обобщающими историческими трудами есть вместе с тем и работа над повышением квалификации научных сотрудников, над созданием кадров, необходимых для исторического направления в археологической науке.

Несмотря на большую перегрузку плана, благодаря напряженной, самоотверженной работе коллектива, Институт удовлетворительно справился с поставленными задачами и подготовил или значительно продвинул подготовку целого ряда обобщающих исторических трудов.

Особенно успешна была работа над „Историей русской культуры“, первый том которой охватывает время до монгольского завоевания и является первым опытом всестороннего освещения культуры древней Руси с широким привлечением археологических данных. Интересной получается „История культуры мордовского народа с древнейших времен до социалистической современности включительно“. Это, в сущности, первая действительная история этого народа, до Великой Октябрьской социалистической революции не имевшего письменности, угнетаемого поочередно болгарскими ханами, татарскими мирзами и русскими помещиками и тем не менее создавшего и сохранившего свою национальную культуру, наполняющуюся теперь новым социалистическим содержанием.

Вместе с „Очерками по истории культуры тюркских племен и народов Алтая“ эта работа представляет первый опыт написания истории бесписьменных народов нашей страны на основе широкого использования главным образом археологических и этнографических данных. Задача создания таких историй была поставлена еще Н. Я. Марром, который горячо протестовал против неосновательного деления народов на исторические и неисторические по признаку наличия или отсутствия письменности.

На применении и разработке идей Н. Я. Марра основано исследование по вопросу об этногенезе славян. В 1939 г. закончена подготовка сборника статей

и материалов о происхождении северной части восточных славян. Этот сборник внесет много нового и существенного для решения поставленной проблемы и покажет, что гипотеза о появлении славян в результате расселения из славянской „прародины“ в свете археологических данных лишена какой бы то ни было убедительности. Вместе с тем в нем собраны и такие факты, которые свидетельствуют об образовании славян как этнической общности в результате тех исторических культурных связей, какие развивались и крепились между племенами, ранее разобщенными между собой.

Сложнее обстоит дело с первым томом „Истории первобытной культуры“ и с первым томом „Всемирной истории“, посвященным каменному веку. Текст того и другого труда почти целиком написан в соответствии с первоначальным планом. Однако опыт обсуждения „Истории СССР“ и работы над историей культуры в широком плане в 1939 г. позволил отнестись критически к первоначальному плану „Всемирной истории“ и вызвал весьма существенную его перестройку.

При просмотре написанных частей первого тома „Всемирной истории“ оказалось, что они представляют не историю первобытного человечества, а очень хорошие сводки археологических данных по каменному веку. В других условиях составление таких сводок явилось бы большим достижением: Однако с точки зрения задачи написания всемирной истории это была явная неудача. Оказалось, что некоторые археологи еще далеки от понимания задач археологии как исторической науки и в своей работе не поднимаются выше описания и систематизации вещественных памятников. Оказалось, что многие и притом важнейшие вопросы первобытной истории в советской науке исследовательски не разработаны.

В виду этого пришлось не только переработать план первого тома „Всемирной истории“, но и пополнить занятый его составлением авторский коллектив, в связи с чем пришлось сократить работу над „Историей первобытной культуры“.

Вследствие этого работа над „Историей первобытной культуры“ затянется и будет завершена только в 1940 г. Затянется выполнение и некоторых других второстепенных работ плана 1939 г.

Напряженная работа над перечисленными выше и другими еще предстоящими Институту обобщающими трудами по истории и истории культуры важна не только потому, что такие труды нужны нашей стране, но еще и потому, что они помогают окончательно закрепить поворот археологии к истории, повысить и выравнять квалификацию археологических кадров и, наконец, выявить наиболее важные темы для специальных археологических исследований. Особенно существенно отметить, что решение таких ответственных задач, как написание истории или

истории культуры, не может не связываться с разработкой больших теоретических вопросов, в отношении которых археология долгое время оставалась весьма беззаботной и которые даже откровенно считала не своим делом. Из сказанного выше следует, что создаваемые Институтом труды не простые сводки материалов и не компиляции, а подлинные научные исследования, вызывающие постановку и решение целого ряда больших вопросов теоретического и фактического порядка.

Не менее интенсивно велись в ИИМК в 1939 г. собственно археологические исследования. Совместно с другими археологическими учреждениями СССР Институтом была проведена 21 экспедиция в разных частях нашей страны. Исследования производились и в Карелии, и в центральных областях РСФСР, и на Украине, и на Кавказе, и на Урале, и в Сибири, и в Средней Азии. Особенно большой размах получили в этом году полевые археологические исследования в Средней Азии, где при участии ИИМК были проведены три большие экспедиции, давшие в высшей степени ценный и большой материал.

Кроме того, сотрудники ИИМК участвовали в 7 экспедициях, организованных другими учреждениями.

В истекшем году Институт предоставил своим сотрудникам 46 научных командировок для ознакомления на месте с археологическими памятниками и для

работы в музеях СССР. В секторах Института ведется систематическая работа по изучению добытых в поле материалов и по составлению научных отчетов о полевых археологических исследованиях.

Живая творческая коллективная работа Института нашла отражение в многочисленных научных заседаниях Ученого совета, секторов и авторских коллективов Института. В 1939 г. в Институте было прочтено более 80 научных докладов. Кроме того, сотрудники ИИМК сделали 4 доклада на сессиях Отделения истории и философии АН, 16 докладов на Всесоюзной Конференции по изучению палеолита и четвертичной геологии в Киеве, 2 доклада на конференциях Археологического института УССР и ряд докладов в других местах.

Временные затруднения с изданием трудов Института крайне неблагоприятно отразились на выполнении издательского плана. Тем не менее можно отметить выход в 1939 г. книги П. П. Ефименко „Первобытное общество“ и двух номеров „Кратких сообщений“.

Во внеинститутских изданиях сотрудниками Института напечатано 54 работы, крупнейшей из которых является учебник для вузов В. И. Равдоникаса „История первобытного общества“.

К концу года Институтом было подготовлено и сдано в Издательство АН более 200 печ. листов научных работ.

М. И. Артамонов

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Некролог. Д. В. Айналов .	3
I. Доклады на заседаниях Ученого совета и секторах Института .	6
Мезолит и неолит Европы. — Е. Ю. Кричевский	—
Княжеское погребение XI в. в Десятиной церкви. — М. К. Каргер	12
II. Статьи и заметки	21
Изучение следов работы на каменных орудиях. — С. А. Семенов	—
К вопросу о неолите в Крыму. — С. Н. Бибиков .	26
Арменийцы в Ольвии. — Акад. С. А. Жебелев	31
Античная черепица с кровельным окном из окрестностей Херсонеса. — А. К. Тахтай .	32
III. Полевые археологические исследования	34
Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. — М. В. Воеводский .	—
Палеолитическое поселение Костенки IV. — А. Н. Рогачев	36
Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова. — М. В. Талицкий	41
Археологические работы в Семиречье. — А. Н. Бернштам	42
Зарафшанская археологическая экспедиция 1939 г. — А. Ю. Якубовский	48
Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. — М. Е. Массон	52
Итоги последних раскопок древней Тиритаки. — В. Ф. Гайдукевич	54
Раскопки правобережного Цымлянского городища. — И. И. Ляпушкин	58
IV. Информации	63
ИИМК в 1939 г. — М. И. Артамонов	—

Редактор Издательства А. М. Барабанов

Технический редактор Р. С. Волховер. — Корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 29 февраля 1940 г. — Подписано к печати 17 апреля 1940 г.

68 стр. (15 рис.)

Формат бум. 72 × 110 см. — 4¹/₄ печ. л. + 4 вкл. — 6,32 уч.-авт. л. — 60192 тип. зн. в печ. л. —
Тираж 500. — Ленгорлит № 1735. — РИСО № 1319. — АНИ № 112. — Заказ № 328

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12